

**ЭДУАРД УСПЕНСКИЙ**  
**Красная рука, черная простыня, зеленые пальцы**

*Страшная повесть для бесстрашных школьников*

ЧП В ПИОНЕРСКОМ ЛАГЕРЕ

Однажды в конце июля в пионерском лагере под Голицыном нашли задушенного мальчика. Он лег спать, как и все другие ребята, в палате на двадцать два человека. Но утром не проснулся, не побежал на зарядку, как все, а остался лежать в своей кровати в углу, тихенький и дохленький.

Вызвали милицию. Милиция начала спрашивать:

- Кто заходил в палату?
- Кто залезал ночью в окно?
- С кем был в ссоре задушенный мальчик?

Оказалось, что в палату никто не заходил, дверь была заперта на ключ. В окно никто не залезал, так как оно было на втором этаже. И задушенный мальчик ни с кем никогда не ссорился, а был тихий и бесполезный, и еще он был какой-то запуганный.

Все люди на территории, и взрослые и дети, ходили грустные и подавленные. Начальник лагеря говорил следователю зеленгородской милиции капитану Матвеенку испуганным голосом:

- Вы можете надо мной смеяться, но я уверен, что это Красная Рука.

- Кто, кто? - спрашивал хитроглазый и толстый капитан. - Какая еще красная рука?

- А такая, которая прилетает по ночам.

- Никогда не слышал. Глупости это.

- Никакие не глупости. Я двадцать лет работаю начальником лагеря. И в "Артеке" был, и в "Орленке", и еще кое-где. И много раз слышал, что ночью в окно стучится Красная Рука, потом залетает в палату и кого-нибудь душит. А еще есть Черная Простыня. Она набрасывается на ребенка, закутывает и не дает дышать, пока он не умрет. И этого не знаете?

- Не знаю,- ответил Матвеенко.

- А еще есть Зеленые Пальцы. Они защекочивают до смерти...

- Знаете что,- перебил его усатый капитан,- я уже не в том возрасте, чтобы сказки слушать... Да и некогда мне. Но вот у меня сейчас студент один есть на практике. Он юрист, будущий следователь - Виктор Рахманин. Я его к вам подошлю, вы ему все и расскажите. Договорились?

И он пошел дальше заниматься делом: снимать пыль с подоконников, спрашивать свидетелей, осматривать задушенного мальчика.

Практикант Рахманин явился на следующий день.

- Товарищ начальник, я вас очень внимательно слушаю.

Рахманин был высок ростом, плечист, как шкаф, и очень легок в движениях.

Директор походил по своему летнему кабинету и спросил:

- А вы смеяться надо мной не будете?

- Ни за что. Ни при каких обстоятельствах.

- Тогда слушайте. Это случается почти каждое лето то в одном, то в другом лагере. Вдруг мальчик пропадет, вдруг найдут девочку без дыхания. Ищут, ищут, кто это сделал, и не находят. А ребята потом рассказывают, что над лагерем летала Черная Простыня, что она пыталась пролезть в одну палату, потом в другую, но ее спугнули. Или говорят, что видели Красную Руку, летавшую за окном, она страшная и светится.

Когда начальник говорил "Черная Простыня" или "Красная Рука", он произносил эти слова с почтением, как если бы говорил "Верная рука - Друг индейцев" или, например, "Соколиный глаз".

- Интересно,- сказал Рахманин.

- А знаете ли вы историю про Красное Печенье? Или про Красное Копыто? Или про Гроб на Колесиках и Хозяина Кладбища?

- Никогда не слышал эти прелестные истории.

- Не очень-то они прелестные,- грустно отметил начальник.- И как мне кажется, все они из одного чемодана.

- Расскажите хотя бы одну,- попросил Рахманин.

- Пожалуйста. Какую?

- Про Гроб на Колесиках.

- Хорошо, слушайте. Жила-была девочка у мамы. Однажды она осталась одна. И вдруг по радио передают: "Девочка, девочка, Гроб на Колесиках выехал с кладбища, твою улицу ищет. Прячься". Девочка испугалась, не знает, что делать. Мечется по квартире, хочет маме по телефону позвонить. А в телефон говорят: "Девочка, девочка, Гроб на Колесиках нашел твою улицу, он твой дом ищет". Девочка пугается страшно, все замки запирает, но из дома не убегает. Дрожит. Радио снова передает: "Девочка, девочка, Гроб на Колесиках твой дом нашел. В квартиру едет..." И так далее. Короче, когда мама домой приходит, она находит девочку неживой. Только во рту одно колесико какое-то... Как вам это нравится?

- Мне это совсем не нравится,- сказал Витя Рахманин.

- А вы верите в то, что я рассказываю?

- Конечно,- ответил Рахманин.- Есть такое правило: во время следствия верить всему, что говорят, а потом надо проверять факты. Только вы об этих историях больше никому ни слова, чтобы нам с вами однажды не проснуться с колесиками во рту.

- Или с рукой на шее,- шепотом добавил начальник.

- Послушайте,- спросил Рахманин,- но если Красная Рука светится, ее же люди должны замечать. Сколько людей ночью по лагерю бродит: и сторожа, и вожатые, и ребята, которым в туалет приспичило. Вон и собаки есть у вас в лагере.

- Я и сам об этом думал,- сказал начальник.- Может быть, эта рука не всегда светится, а только тогда, когда на дело выходит. То есть уже у самого окна.

- А она при этом не раскаляется?

- Не знаю. Кажется, нет. По крайней мере ожогов на шее у

жертвы обычно не бывает.

- Ладно, - сказал следователь-практикант Рахманин. - Я должен сперва все обдумать и составить план. Завтра я к вам обязательно зайду. Мы с вами нанесем на карту все такие случаи и узнаем, где эти силы гнезятся. И у меня наверняка возникнут новые вопросы.

Новые вопросы не возникли. Когда Виктор Рахманин пришел в пионерский лагерь на следующий день, ему сказали, что начальник утром не проснулся. Он был задушен Красной Рукой.

Дети и родители покидали лагерь.

## ПЕРВЫЕ ШАГИ РАХМАНИНА

Рахманин пулей полетел в зеленгородскую милицию к капитану Матвеевко. С порога он спросил:

- Что мне теперь делать? Какие будут указания?

- Такие же. Заниматься этим делом. Капитан уже все знал.

- Красной Рукой, товарищ капитан?

- И Черной Простыней, и другими.

- Товарищ Анатолий Петрович, но ведь это же бред!

- Для обычного сотрудника милиции это бред, - согласился хитроглазый капитан, - а для студента-практиканта это замечательная возможность проверить сумасбродную идею, фантастическую версию. Так что действуйте, проверяйте.

"Один уже допроверялся! - хмуро подумал Рахманин. - Получил Гроб на Колесиках!"

Он на секунду представил себя самого всего в цветах рядом с начальником лагеря. Но спорить и отказываться не стал. Он вышел на залитый солнцем двор зеленгородской милиции и, меряя его длинными сильными ногами, рассуждал:

"Капитан говорит, что это будет проверка версии, а версии-то у меня и нет. Сначала надо ее составить. И так, чья это рука?.. Чьи это пальцы?.. И кому принадлежит эта чертова простыня?"

Он шагал, шагал и шагал. После того как он прошагал по двору по крайней мере от Зеленгорода до Наро-Фоминска, у него возникло несколько версий. Точнее говоря, три.

ВЕРСИЯ ПЕРВАЯ. Красная Рука, Черная Простыня и Зеленые Пальцы - это пришельцы из космоса. Может быть, роботы, может быть, инопланетные существа. Они убивают детей либо из научных целей, либо из военных, либо из энергетических.

ВЕРСИЯ ВТОРАЯ. Эти существа-представители дьявольских сил. Так сказать, руки Дьявола, Фантомаса. Они убивают детей из соображений религиозных. Допустим, будущих праведников, будущих крупных деятелей церкви, которые могут нанести большой урон дьявольщине, человеческим порокам.

ВЕРСИЯ ТРЕТЬЯ. Это какое-то случайное порождение, случайные ступки материи, живущие сами по себе. Каприз природы, наделенный случайным разумом и случайными задачами.

"Так или иначе перво-наперво надо собрать статистику. Со

статистики начинается любая научная работа, любая научная статья, любая мало-мальски серьезная диссертация".

На этом поход Зеленгород - Наро-Фоминск - Зеленгород по двору зеленгородской милиции был закончен.

#### СБОР СВЕДЕНИЙ

- Внимание! Внимание! В эфире "Пионерская зорька"! Продолжаем нашу передачу. Переходим к вашим письмам, ребята. Ребята из города Юрьева-Польского прислали нам такое письмо:

"Дорогая редакция! В день сбора металлолома наши мальчики собрали огромное количество этого металла, чрезвычайно нужного стране. И весь этот чрезвычайно нужный металл уже два месяца ржавеет на площадке перед школой. Уже два младшеклассника подвернули на нем ноги, и туда постоянно закатываются шарики от пинг-понга. Просим нам помочь". Так вот, наш корреспондент побывал в Юрьеве-Польском и сам увидел эту картину. Представители Вторчермета города объяснили, что металл в основном состоит из крупногабаритных труб увеличенной длины - 20 метров. Что Вторчермет не имеет транспортных средств, позволяющих отвезти эти ценные изделия на переплавку. Спрашивается, откуда же в городе появились эти трубы? А вот откуда. В Юрьев-Польский проводили природный газ, и труб завезли намного больше, чем полагалось. Недобросовестные строители разбросали лишние трубы и обрезки по всему городу. Наш корреспондент позвонил в соседний город Симу (кстати, в этом городе находится могила великого русского полководца Багратиона), и председатель горсовета товарищ Куксов сказал, что немедленно заберет все до одной трубы, так как они совершенно необходимы для газификации Симы. А взамен пришлет ребятам из Юрьева-Польского компьютер "Роботрон", изготовленный в Германской Демократической Республике. Переходим к следующему письму. Нам пишут мальчики и девочки из средней школы села Лыченцы Переславского района. "Мы еще в пятом классе завели на пришкольном участке корову. А сейчас мы заканчиваем школу и хотели передать корову ребятам из девятого класса. Они говорят: "Не надо нам вашей коровы". Как нам быть?" Отвечаем. Дорогие ребята, когда вы заводили корову, вы были совсем маленькими. И вам было интересно самим выращивать такое ответственное животное. У ребят из девятого класса, наверное, сложились свои, другие интересы. Попробуйте предложить вашу корову младшеклассникам. Нам кажется, они с удовольствием за нее возьмутся. А если они откажутся, передайте, пожалуйста, вашу корову Кирекшанскому детскому дому. Мы уже говорили по телефону с директором этого дома Александром Павловичем Молоко, он говорит: "Давайте". Так что давайте, ребята... И последнее, третье письмо. Пишет нам Рахман Викторов. Его письмо оказалось настолько неожиданным для нас, что мы долго не решались передать его в эфир. "Дорогая редакция! В нашем пионерском лагере было страшное

событие – на нас напала Красная Рука. Она задушила одного мальчика. А на другой день она задушила начальника лагеря, и ее не поймали и не наказали. А в соседний лагерь прилетала Черная Простыня и задушила там другого мальчика до смерти. Скажите, а к вам прилетала Красная Рука? И если она задушила кого-нибудь, дайте его адрес. Давайте делиться опытом". Дорогие ребята, что можно ответить Рахману Викторову? Прилетал ли к вам кто-нибудь? Напишите нам, а мы передадим письма этому любознательному мальчику, пусть он успокоится.

Но успокоиться "любознательному мальчику" не пришлось. Письма, которые передали Виктору Рахманину из редакции, отнюдь не напоминали успокоительные таблетки.

#### ПИСЬМА, ПРИШЕДШИЕ В "ПИОНЕРСКУЮ ЗОРЬКУ"

"Дорогая "Пионерская зорька"! Ты спрашиваешь, прилетал ли кто к нам в лагерь и душил ли кого-нибудь? Я должен тебя огорчить – к нам в лагерь никто не прилетал и никого не душил. К нам только приезжал писатель Ляпин, и нам сказали: "Кто будет себя плохо вести, останется на встречу с писателем. Твой постоянный друг – Андрей Качев. Немного о себе. Я учусь в седьмом классе. До свидания".

"Дорогая редакция, ты спрашиваешь: была ли у нас Красная Рука. Да, была и не одна. Мы были в пионерском лагере под Вышним Волочком около кладбища. Мы ночью спали, а один мальчик как закричит. И мы увидели, что над ним летала Красная Рука. Она светилась. Мы все тоже закричали. Рука подлетела к форточке и убежала. С ней был маленький ручонек. На другой день мы позвали спать в палату вожатого, и Рука больше не прилетала. Твой постоянный слушатель Саша Шпеер. Город Торжок.

А еще над нашим городом видели летающий Желтый Глаз",

"Здравствуй, "Пионерская зорька"! Я живу хорошо. Ты спрашиваешь, не прилетала ли к нам Красная Рука. Я про нее ничего не знаю. Лучше я тебе расскажу про Красное Пятно. У нас в городе одна семья получила новую квартиру. А там было красное пятно на стене. Его не успели замазать. И вот утром девочка видит, что мама ее умерла. А пятно стало еще ярче. На другой день ночью девочка спит и чувствует, что ей очень страшно. И вдруг она видит, что из красного пятна высовывается рука и тянется к ней. Девочка испугалась, написала записку и умерла. Потом пришла милиция и ничего не нашла. Один милиционер выстрелил в красное пятно, и оно пропало. А потом милиционер пришел домой и видит, что у него над кроватью на стене появилось красное пятно. Он ночью спит и чувствует, что кто-то хочет его задушить. Он стал стрелять. Прибежали соседи. Видят, милиционер лежит задушенный и никакого пятна нет".

Практикант Рахманин подумал в этом месте:

"Ничего себе, вот и милиционер доигрался. Кстати, а нам на практике положено выдавать пистолеты? Мы ведь тоже милиция".

Он стал читать дальше:

"Так что, дорогая редакция, присылай к нам корреспондента. У нас весь город об этом знает. Вы все запишете на магнитофон, и это будет интересно всем ребятам. Я - Леша Яковлев из г. Покровска".

Следующее письмо было про Красное Печенье.

"Дорогая "Пионерская зорька", мы хотим рассказать тебе про Красное Печенье. Нам очень страшно про это рассказывать, но сейчас день, и мы в это не очень-то верим.

У одних девочек была мама, а папы не было. И к маме часто приходили гости. Они с мамой веселились всю ночь и уходили. А дети ничего этого не помнили, потому что им вечером мама давала Красное Печенье, и они все забывали. И еще у них было пианино красное.

Однажды они играли на пианино, нажали кнопку, пианино отъехало и открылся ход. Дети туда спустились, там был подвал со светом, и там сидели дядьки без голов, и Красное Печенье делали из их мозгов. И тогда все забывалось. Дети позвали милицию, и она всех арестовала.

Дорогая "Пионерская зорька", расскажите об этом по радио, чтобы ребята не боялись. Мы не знаем, в каком городе это было. Пожалуйста, не называйте наши фамилии по радио: Муравьев Алик, Сердюкова Оля, Маслова Валя и Глазырина Катя".

Было и такое письмо:

"Дорогая редакция!

Исполни для нас нашу любимую песню "У московских студентов горячая кровь". Группа вампиров".

И такое:

"Зачем вы морочите голову нашим детям и только пугаете их. В наш век и так хватает ужасов, всяких нитратов и радиаций. А напоследок я скажу, только не для детей, а передайте это ученым. Что у нас в городе очень часто видели голову Зеленого Козла. Она заглядывала в окна. Она размером с корыто. Но некоторые утверждают, что это не голова Зеленого Козла, а летающий Зеленый Череп. Если ученые заинтересуются, я укажу людей, которые точно это видение видели.

Уполномоченный райкома на пенсии Куценков Андрей Андреевич. Город Лихославль".

В последнем письме рассказывалась история о Стеклокукле, которая водила девочку - свою хозяйку в подземный город и грозила девочку убить. Но письмо было написано таким дурным и кривым почерком, что, кроме отдельных слов и полупредложений, выудить оттуда ничего было нельзя. "Продавцы сказ..., что это образец... Девоч... несколько дней просила... Куклу... принесли... Она вышла из шкафа... Большая... (Целых три корявых и непонятных строки.) Запасные части из де... (То ли запасные части из дерева, то ли из детей?) Девочка испугалась... умерла к...ла не разбилась... Исчезла". По штампу Рахманин понял, что письмо из Калининской области.

Со всеми этими письмами Рахманин пришел к капитану Матвеевко.

- Вот посмотрите. Кажется, все проясняется. Капитан

прочитал письма, что-то в них подчеркивая карандашом, и сказал:

- Боюсь, наоборот, кажется, все затуманивается. Что бы ты хотел бы предпринять?

- Командируйте меня в Покровск.

- А что мне написать в командировке? - спросил Матвеевко. - "Командируется для задержания Красной Руки"?

- А почему бы и нет?

- Потому что меня и так за ненормального держат, - сказал капитан. - Меня только высокий процент раскрываемости и спасает. Не хватало мне теперь дело против Красной Руки возбудить... По подозрению в убийстве. Ладно. Мы по-другому сделаем. Там комиссионный магазин есть. Вот мы и пошлем тебя посмотреть, не проходил ли по их бумагам серебряный самовар из имения Апраксиных. Мы его уже полгода разыскиваем. Понял?

- Уразумел.

- Вот и поезжай.

## "ПОКРОВСКАЯ ПРАВДА"

В Покровске Рахманин первым делом зашел в местную газету.

- Кто у вас тут заведует отделом происшествий?

- Никто.

- А молодежным отделом?

- У нас такого отдела нет.

- А с кем можно поговорить из начальства?

- С ответственным секретарем, с Катериной Ивановной. Вы ее знаете? - сказала рыжая девочка-машинистка. - Ее фамилия Варич.

Катерина Ивановна очень обрадовалась москвичу и сразу сказала:

- Зовите меня просто Катя! - Хотя ей было заметно ближе к пятидесяти, чем к тридцати.

Рахманин показал ей письмо в "Пионерскую зорьку" и спросил:

- Что вы об этом скажете?

- Да... у нас весь город об этом говорит. Мы даже заметку об этой истории приготвили.

- Напечатали?

- Нет, - ответила Катя Варич, - секретарь райкома запретил, Иванцов.

- Почему?

- Он сказал: "У нас с картошкой в этом году скандал, нам только еще Красного Пятна не хватало".

- А что, большой скандал с картошкой?

- Обыкновенный. Никакой картошки.

- Можно заметку прочитать?

- Если я найду. Только особенно об этом не распространяйтесь.

Она порывалась в ящиках стола и протянула Рахманину гранки. Рахманин с интересом начал читать.

"ТРАГИЧЕСКИЕ ПРОИСШЕСТВИЯ В НИКОЛЬСКОЙ СЛОВОДЕ.

Издавна дурной славой пользуется старое Никольское кладбище в нашем городе. Еще в старых летописях сообщалось, что иногда с кладбища доносятся страшные крики, и там мечутся красные огни.

Недавно семья Крючковых получила новую квартиру в Никольской слободе. В старом доме, в доме, перенесшем капитальный ремонт.

Семья Крючковых состояла из мужа и жены – рабочих Большехима. Причем муж был начальником участка микропленки. Это была обычная трудовая семья, каких тысячи в нашем городе. Они стояли в очереди на жилье много лет, а до этого жили в обычном коммунальном бараке. У них были девочка Люся и сын Вася десяти лет.

Когда семья переехала в новое жилище, Наталья Николаевна – жена семьи Крючковых – первая обратила внимание на большое красное пятно на стене.

– Смотри! – сказал она мужу.

– Подумаешь, – ответил он, – строители бутылку вина пролили.

Но однажды утром через несколько дней Николая Николаевича нашли на кровати убитым. Он был мертв и чрезвычайно бледен. А пятно на стене стало еще ярче.

Многие утверждали, что он пил каждый день неизвестно что, и это свело его в могилу. Но чего не скажут злые языки про человека, который работает на большом химическом предприятии и имеет доступ к спирту.

Девочка Люся рассказывала, что видела, как ночью из красного пятна высунулась рука и долго думала, кого бы задушить. Потом напала на главу семьи.

Через некоторое время та же судьба постигла мать двух сирот. Сын Вася говорил соседям:

– Мама и папа часто пили по вечерам и шатались. Однажды ночью из красного пятна высунулась красная рука и стала трясти маму. Наутро она умерла. Я очень боюсь красного пятна.

Пятно, по утверждению соседей, с этого дня стало еще ярче.

Через некоторое время это пятно перекочевало в квартиру следственного работника Василенко, который проводил осмотр квартиры Крючковых. А еще через некоторое время он тоже трагически погиб в своей постели. После его гибели пятно исчезло. Соседи утверждали, что видели красную руку, вылетающую из его окна.

Хотелось бы, чтобы представители науки и милиции занялись этими чрезвычайными происшествиями, которые буквально потрясли наш город.

Дети помещены в Кирекшанский детский дом"

– А что еще об этом говорят? – спросил Рахманин Катю Варич.

– Что это Пятно не оставляет в живых никого, кто его видел. Что оно выпивает всю кровь. Что там, где бывает Пятно, всегда видят Зеленого Человека.

– Какого еще Зеленого Человека?

– Такого, как тень. В общем, всякую чертовщину говорят.

– А где это ваше Никольское кладбище?

- Прямо против Большехима. Его собираются сносить.

- А где у вас городская милиция?

- От нас через два дома налево.

- Спасибо,- сказал Рахманин.- И последний вопрос: где здесь комиссионный магазин?

- Он чуть дальше милиции. Только там ничего нет. Одни старые самовары.

- Мне как раз самовары и нужны,- сказал Рахманин, уложил гранки в записную книжку, попрощался и вышел на узкую, сверкающую побеленными домами главную улицу.

Самовар волновал его только для проформы.

- Пойду в милицию,- решил он.- Может быть, там кто-нибудь есть из Московского университета.

В милиции не было ни души - как при коммунизме.

Тогда Рахманин зашел в комиссионку. Он долго осматривал самовар за самоваром, каждый раз приводя в ужас директрису магазина товарищ Мыльникову. Искомое самовара даже близко не было.

Рахманин начал копаться в документах: не проходил ли где серебряный самовар Фаберже из усадьбы Апраксиных. Дело было затяжное и неприятное. Он сидел и добросовестно изучал бумаги.

Его удивило одно обстоятельство. Несколько раз по ведомостям проходило старинное пианино фирмы "Блютнер". Почти каждый год его покупали и снова продавали через комиссионный магазин.

- Простите, как вас зовут?- спросил Рахманин.

- Светлана Ильинична,- ответила Мыльникова.

- Светлана Ильинична, а что это пианино дважды в год продают? Может, оно бракованное, со скрытым дефектом?

- Вот точно,- сказала Мыльникова,- со скрытым дефектом. В какой дом ни попадет, одни неприятности приносит.

- А где оно сейчас? Не в магазине случайно? Можно на него взглянуть?

- Славу богу, сторело... вместе с Дворцом культуры.

- А какие же неприятности оно приносило?

- Да какие хочешь! Купил его председатель горсовета Дикой, через месяц у него сына за торговлю иконами посадили.

Рахманин только удивился связи между этими совершенно отличными событиями.

- А потом и его самого сняли,- продолжала Светлана Ильинична.- Купила его Перевертова из Потребкооперации, так на нее письмо пришло из Владимира, что она половину товаров на рынке налево продает. Посадили. Как вам это нравится?

- Мне это никак не нравится,- ответил Рахманин, чтобы поддержать разговор, хотя в глубине души он явно одобрял действия пианино. Чем больше жуликов будет посажено, тем лучше. "Этому бы пианино,- подумал он,- впору погоны приделать и звание давать. Например, пианин-лейтенант".

Но, оказывается, пианино доставляло неприятности не только социально недостойным людям, но и честным.

- Начальник милиции его купил - Селезнев,- продолжала

Мыльников. Так он в аварию попал. А уж такой был человек хороший.

- Не думаю, - возразил Рахманин. - Откуда у хорошего человека деньги на старинное пианино? У честного человека и оклад честный - небольшой.

- Да к тому времени это пианино копейки стоило! Его никто брать не хотел! Оно у нас в магазине в последний раз трижды уценялось. А наша сторожиха тетя Поля без пол-литра на ночь ни за что оставаться не хотела при этом пианино, пока мы его не продали.

- Это-то почему?

- Потому что на нем по ночам Белые Перчатки музыку играли.

- Какие Белые Перчатки? - удивился Рахманин. - Откуда они взялись?

- Поди узнай, - сказала Мыльникова. - То ли в окно прилетали, то ли внутрих прятались. Только играли старинную музыку, в основном траурную... Какую-то черную музыку.

- Странно, - произнес Рахманин.

- Конечно, странно, - согласилась Мыльникова. Ей безусловно нравилось, что милиционер-практикант отошел от самоварно-торговой темы на суеверно-бытовую.

- Уж после Селезнева-то это пианино вообще отказались покупать. Вот его по безналичному расчету и продали во Дворец культуры.

Рахманин подивился такому странному обстоятельству: продаже товаров по безналичному расчету через комиссионный магазин. Но вникать не стал, не за этим приехал. Если уж это социально-разоблачительное пианино не стало карать Мыльникову, зачем Рахманину вмешиваться в ее безналично-комиссионные дела.

Он поблагодарил директрису и пошел в милицию отмечать командировку.

В милиции уже гудел народ. Дежурный лейтенант Малинниченко отметил ему прибытие и спросил:

- Надолго?

- Не знаю. Как получится. Скажите, а есть тут у вас кто из Московского университета.

- Я из Московского университета.

- Как тебя зовут?

- Валерий.

- А меня Виктор. Слушай, что ты об этом думаешь? - Он протянул Малинниченко гранки и письмо в "Пионерскую зорьку".

Малинниченко обстоятельно, как все милицейские, стал читать. Прочитал, еще раз пробежал глазами и сказал:

- По-моему, ерунда. Я в детстве много слышал таких баек. Красная Рука, Черная Простыня... Сейчас еще Летающий Шприц появился... наркоманов убивает. Люди по своей темноте верят во что угодно.

- А ты по своей темноте ни во что не веришь! - раздался вдруг еще один голос. Оказалось, что в дежурке был еще один милиционер. Он был толст, но не противной такой толстотой, а младенческой, пухловатой. И еще он был черняв и ироничен.

- Я тоже из Московского университета. Дайте мне почитать, что вы ему давали.

Он внимательно прочитал заметку и письмо и сказал:

- А я в это верю. Смотрите, - он показал на карту города, висевшую над головой дежурного, - вот имение Осиповых около Никольского кладбища. Отсюда вся нечисть и идет. И, между прочим, фамилия Ваньки Каина была Иван Осипов Каин.

- А кто это такой? - спросил Малинниченко.

- Мне кажется, ты не Московский университет кончал, а Тмутараканский. Как же можно Ваньки Каина не знать? - улыбнулся толстяк.

- А ты знаешь? - спросил Малинниченко у Рахманина.

- Знаю. Был такой вор и убийца при Екатерине Второй. Потом он в полиции служил. Так сказать, создатель отечественной мафии.

- Все верно. И если это имение поставляло таких страшных людей, как он, какие сегодня оно будет поставлять привидения!

- Вы утверждаете, что это привидения? - спросил Рахманин толстого лейтенанта.

- Я ничего не утверждаю. - ответил тот. - Я только знаю, что все это не пустые разговоры. И ни в одном городе это не встречается в таких количествах, как у нас. Кроме, пожалуй, Торжка.

Рахманин подумал, что этот парень мог бы здорово помочь, если бы его удалось в это дело вовлечь. Но еще он подумал, что чем меньше людей знает о его расследовании, тем лучше. Он пожал руки милиционерам и отправился в гостиницу.

## ПОКРОВСКИЕ СТРАСТИ

Как это ни странно, в покровской гостинице "Покровск" было сколько хочешь свободных мест.

Рахманин так и не знал - оставаться ли ему здесь или ехать в родной Зелен город к капитану Матвеевко. Ему уже было о чем рассказать, но все это пока умозрительный рассказ, а действий нет никаких.

Поэтому он взял самое дешевое место в гостинице и отправился исследовать Никольское кладбище. Благо, был день, было солнечно и нестрашно.

В маленьких городах все рядом, и непонятно, почему местные жители так любят пользоваться автобусами. В любое время дня они идут набитые, как дураки, под самую крышу.

До кладбища всего две остановки. Расположено оно было в удивительно красивом месте и оставалось в прекрасном, почти музейном состоянии, в полной сохранности.

Рахманин сначала оглядел пейзаж, спокойный, как седуксен. Непробиваемо спокойный с просторами, далями и рекой. Потом он стал осматривать памятники. Осмотрел склеп Осиповых, напоминающий детскую пирамидку. Массивные черные с золотым письмом надгробия рода Семеновых. Памятник доктору

Мокротоваропу с двумя медными собаками.

"Удивительно, как это пионеры не сдали их на металлолом, - подумал Рахманин. - Что-то неправильно в местной пионерской организации. Может быть, она с религиозным уклоном?"

Ничего тревожного. Мир и покой. Один только памятник выбивался из общего настроения своим официозом. Это был памятник генералу от инфантерии (действительному тайному советнику) Краснорукову. Плоский широкий камень темно-красного цвета напоминал стол для заседаний.

"Вот он - Хозяин Кладбища", - подумал Рахманин. Но решил, что искать что-либо жуткое на кладбище в середине солнечного дня бессмысленно.

И тут ему пришло в голову, что можно просто позвонить по телефону капитану Матвеевко. Пусть хитроглазый милицейский интриган - полубюрократ, полумодернист подскажет ему, как быть.

Матвеевко внимательно выслушал практиканта, но ничего не прояснил. Только спросил:

- А те двое детей, Вася и Люся - где они?

- В детском доме в Кирекше.

- Вот и поезжай туда. Можешь?

- Могу. Только у меня денег нет.

- Как-нибудь выкрутись, раз уж взялся, - посоветовал Матвеевко. - Займи у кого-нибудь, а то практику не зачту. Надо версию доводить.

- Как бы она нас не довела, - пробурчал Рахманин, но согласился. - Ладно, попробую.

Он отправился в родную комиссионку.

Светлана Ильинична как увидела его, даже спала со своего огромного лица. Видно, были все-таки в ее магазине нарушения, несмотря на это образцово-показательное пианино.

Виктор протянул ей электробритву "Харьков".

- Это можно продать в вашем магазине?

Светлана Ильинична долго вертела бритву в руках, потом ответила:

- Можно, с трудом,

- А можно сегодня? У меня командировочные кончились.

- Мы деньги через три дня выдаем.

Она мялась, вертела, нюхала бритву, потом сказала:

- Ладно. Я ее сама для мужа куплю. У него еще хуже.

Приходите завтра.

Завтра так завтра. Рахманин больше не стал настаивать. Слава богу, что хоть так-то обошлось. Интересно, сколько за нее дадут?

Он сходил в кино "Верная рука - друг индейцев", поужинал в гостиничном буфете и пошел в номер спать. Слава богу, к нему никого не подселили, и он благополучно смотрел в одиночестве телевизор до посинения.

Чем-то ему его номер не нравился. Особенно розовое пятно на противоположной стене. То ли строительный брак, то ли ремонтники бутылку вина пролили.

Утром он получил деньги в комиссионке и потопал на автовокзал. До Кирекши шли автобусы и были билеты. Но вместе с одним студентом они решили добираться на попутках.

Им повезло. Они километров пятьдесят тряслись на трубах по великолепнейшей, в смысле природы, дороге.

Студент чуть не выпал на двух страшных ухабах (один еще не кончился, а другой уже начался), но Рахманин в последний момент ухватил его за руку и втащил обратно.

## ДЕТСКИЙ ДОМ. ВЕЧЕР

Вот и Кирекша. Полчаса езды на автобусе, и Рахманин уже стоит у старой березовой аллеи, ведущей в барскую усадьбу.

Вокруг тишина и покой, будто он приехал не в детский дом, а в музей-усадьбу знаменитого писателя разночинца Писемского-Наливайко.

Директор дома по имени Александр Павлович Молоко долго не мог понять, зачем Рахманин приехал. А Рахманин толком и не знал, что говорить.

- Я на милицейской практике. Вот у меня командировка в Покровск. Мы ищем самовар.

- Очень приятно. Только наши дети самоваров не прячут.

- Мы не только самовар ищем. Нас интересуют хищения спирта на Большехиме.

- И спирт наши дети не прячут.

- Это прекрасно. Только у вас есть дети Крючковы Вася и Люся. Я хотел бы с ними поговорить. Их родители погибли от Большехимского спирта.

- Вы уверены, что от Большехимского спирта? - как-то странно, со значением, спросил директор.

- А вы нет? - так же со значением ответил Рахманин.

- Я не думал об этом. У меня своих забот хватает.

Он разрешил Рахманину побеседовать с детьми, только очень осторожно, чтобы зря не тревожить их. И еще он предложил Рахманину выступить перед ребятами. Рассказать им о положении в милиции, о новых способах раскрытия преступлений. Чтобы ребят не привлекала плохая дорожка, а привлекала хорошая.

- Где ваши ребята сейчас? - спросил Рахманин. - Почему такая тишина?

- Наши ребята в поле. Деньги зарабатывают. У них нянь нет.

Пока ребята зарабатывали, Рахманин решил осмотреть усадьбу. Место было просто блеск! Умели раньше выбирать места для детских домов. Невысокие кирпичные стены, за ними залив. Хочешь, лови рыбу. Дальше на полные глаза водный простор.

Само здание двухэтажное, с большими главными окнами и очень маленькими остальными. На втором этаже спальни...

И, конечно, в полукилометре от дома остатки старой церкви и заросшее кустами дворянское кладбище. Уже вечерело, и у Рахманина не было особого желания его исследовать. Он почему-то твердо знал, что среди прочих могил ему встретится

могила какого-нибудь Краснорукова-родственника. Но делать было совершенно нечего, Рахманин со слабнувшими лучами солнца пошел к зеленому острову – кладбищу.

Это было не такое кладбище, про которое сказано у Пушкина:

Но как же любо мне  
Осеннею порой, в вечерней тишине,  
В деревне посещать кладбище родовое,  
Где дремлют мертвые в торжественном покое,  
Где неукрашенным могилам есть простор...

Но тоже хорошее, если можно так сказать про кладбище. Старинные гранитные надгробия были целы. Золото на них не поблекло, и легко можно было прочесть:

"Надворный советник Прохоров Андрей Андреевич.

Житие его было 1801-1887 г.

Примите его с миром!"

И так далее. Было несколько современных могил за бедными металлическими загородочками, но в основном на кладбище могилы были старинные. А вот, что и требовалось доказать:

"Статский советник, губернский предводитель дворянства, Николай Прохорович Красноруков".

"Старый знакомый", – подумал Рахманин, хотя никогда с Николаем Прохоровичем знаком не был.

Могильная плита этого Краснорукова тоже напоминала стол для заседаний, только поменьше. Начиная намечаться вечер, и Рахманин забеспокоился. "Хватит с меня этих похоронных знакомств. Пошли к живым людям".

Живые люди как раз пришли с полевых работ и с любопытством поглядывали на Рахманина. А Рахманин рассматривал их, пытаясь узнать детей Крючковых. Все ребята были бедно одеты и кое-как подстрижены. Сразу было видно, что они небалованны. Но лица у всех без исключения были приятными, глаза живыми.

Их накормили ужином в столовой и объявили, что будет встреча с работником милиции в клубе. Ребята очень обрадовались. Видно, их не очень баловали встречами с интересными людьми.

Рахманин долго рассказывал детям об успехах московской милиции, о разных раскрытиях и поимках. И у всех, в том числе и у него самого, сложилась глубокая уверенность в том, что с наведением порядка у нас в стране полный порядок.

– Есть ли у вас вопросы? – спросил Рахманин в конце выступления.

Ребята долго молчали. Вдруг один мальчик, черный, стриженный, примерно четвертого класса, спросил:

– А знает ли московская милиция про Зеленые Глаза?

– Чего? – оторопел Рахманин.

– Про Зеленые Глаза?

– Да, – сказал другой мальчик. – И про Зеленый Пистолет.

Рахманин честно признался, что московская милиция ничего про Зеленые Глаза не знает.



Когда девочка увидела в магазине красные перчатки, то они ей понравились, и она их купила.

- И что потом получилось?

- Получилось. Когда она подошла к своему дому, то увидела, что он горит. Приехали пожарные. И они никак не могли погасить пожар. Тут вдруг из-за дерева появилась Женщина с Красным Лицом. Когда ее увидели, все испугались и убежали.

- И пожарные?- спросил Рахманин.

- И пожарные. Девочка одна осталась. Эта женщина сказала, что сможет потушить дом, если девочка потом выполнит одну ее просьбу. Девочка согласилась. Женщина быстро потушила все. Потом она сказала девочке, чтобы девочка ночью пришла на кладбище и положила на могилу в центре кладбища свои перчатки. Девочка очень испугалась. Но она еще больше боялась не выполнить приказ. Она не знала, что делать.

Слушающие в ужасе замерли. Одна девочка даже лицо руками закрыла. Рахманин решил вмешаться:

- А что же она в нашу славную милицию не пошла? Про которую я вам так много рассказывал.

- Это только у вас в Москве милиция славная,- сказал самый большой мальчик из середины зала.- А у нас она обыкновенная. В нее лучше не ходить.

- Так, понятно,- согласился Рахманин.- Со временем будем укреплять среднее звено... в маленьких городах. И что же было дальше?

Мальчик продолжал:

- И она пошла на кладбище и положила в центре кладбища свои перчатки. Вдруг с одной могилы съехала крышка, и выскочила эта женщина. Она хотела схватить девочку за руку, но девочка побежала. Тогда эта женщина закричала: "Ты просто так от меня не отделаешься! У тебя умрет бабушка!" Девочка пришла домой и увидела, что у нее умерла бабушка.

- Ничего себе! - сказал Рахманин.- А много лет было бабушке?

- Я не знаю,- ответил мальчик.- Только раньше она не умирала, а тут сразу умерла.

- Знаешь что! - сказал Рахманин.- Я двадцать лет на свете живу, а что-то никогда не видел тетенек с красным лицом.

- А я видел! - сказал тот же взрослый мальчик из середины зала. Когда у нас подсобки горели.

- И мы видели! - сказали девочки из конца зала.

- Если они такие заметные, их давно бы уже всех задержали,- сказал Рахманин.

- А как же их можно задержать, если они на кладбище живут?- спросил черненький мальчик.

Тут уже Рахманин оторопел и растерялся:

- А почему они? Разве их много?

- А вы дослушайте до конца. Потом, когда хоронили бабушку, девочка опять встретила на кладбище эту женщину. Она снова ей сказала приходить на кладбище. Девочка пришла, и эта Женщина с Красным Лицом и в красных перчатках сказала ей, что этой ночью

она умрет.

- А что,- сказал Рахманин,- и пора. Тем более на кладбище живет, хоронить не надо.

- Это не женщина умрет. Это девочка умрет! - закричали напряженные слушатели.- Вы слушайте.

- Девочка пришла домой, легла спать и умерла.- затараторил дальше рассказчик.- Ее похоронили. Она лежит и вдруг видит, что она под землей. Она увидела там свою маму и бабушку и побежала к ним. А потом вдруг заметила, что у них красные лица. И у нее самой тоже было красное лицо. Потом они сами стали приходить к людям, которые покупали красные перчатки.

На этом лекция об успехах московской милиции окончательно завяла. Время было позднее, разговор с детьми Крючковыми надо было перенести на завтра. Александр Павлович Молоко предложил Рахманину переночевать в учительской на диване.

## ДЕТСКИЙ ДОМ. НОЧЬ И УТРО

Молоко принес Виктору подушку, сдвоенное интернатское одеяло и стакан киселя с двумя кусками серого хлеба:

- Опыт показывает, что ночью есть хочется.

И Рахманин заснул как убитый. Ночью он вдруг проснулся. В комнате что-то происходило. Слышалось шипенье и треск. Рахманин выпил кисель и попытался понять, что случилось. Комната была красной. Во дворе горел стог сена.

Рахманин стал одеваться. Он с трудом надел носки, ботинки, пиджак. Потом он долго тыкался в разные двери в поисках выхода из здания. Наконец он вырвался на хозяйственный задний двор.

Когда он оказался на месте пожара, там были люди. Они встревоженно стояли вокруг, глядя на огненные вихри и бешеные искры. Слава богу, что искры быстро гасли и не долетали до здания.

Люди стояли группками, двигались, разговаривали. И как-то странно выделялась из всего этого одна женщина неопределенных лет в плаще с красиво уложенными волосами, неподвижно, скульптурно стоявшая в некотором отдалении.

Рахманин решил подойти к ней и заговорить. Он подшагал, стараясь не шуршать травой, и спросил:

- Вы не знаете, отчего загорелось?

- Что? - повернулась она. И Рахманин отпрянул, потому что ее лицо оставалось красным, несмотря на то, что она отворотилась от огня. Она закрыла лицо рукой в красной перчатке и быстро пошла в сторону от пламени и бешеных искр. Кажется, в сторону кладбища.

Утром директор принес Рахманину стакан чая и хлеб с маслом.

- Вы будете разговаривать с детьми Крючковыми? - спросил он.

- Конечно, я ведь для этого приехал,- ответил Рахманин.- Будем говорить.

- Они здесь, за дверью.

- Минуту, я только побреюсь.

Рахманин сразу вспомнил, где его бритва, и сказал директору, что бриться не будет, потому что решил отращивать бороду.

Он позвал ребят. Они вошли и сели на диван, но сидели не стибаясь, прямо, как на лавке.

- Прочитайте, это, ребята.- Виктор протянул им гранки статьи.

Дети стали читать. Они долго не отрывали глаз от смятой газетной страницы и, казалось, прочитали ее раз двадцать. Видно, им не хотелось начинать разговор.

Рахманин спросил:

- Как вы думаете, можно поймать Красную Руку?

- Нельзя,- сказала девочка.

- Можно,- сказал мальчик.- Надо поставить фотоэлемент с пистолетом.

- Интересная мысль,- сказал Рахманин.- Ты утром проснулся, чтобы на работу идти, поднял голову от подушки, и пистолет как ба-бах тебе прямо в нос.

- Надо фотоэлемент настроить на красный цвет. Человеку ничего, а Руке будет плохо.

- Хорошо,- согласился Рахманин.- А как мы узнаем, что Рука туда придет?

- А там всегда Красное Пятно появляется,- сказал Вася.

- Так, может быть, лучше в Пятно стрелять? - спросил Рахманин.

- Люди пробовали,- ответил Вася.- Не вышло.

- Кто пробовал?

- А как же? Следователь Василенко из милиции и пробовал.

- И что получилось?

- Ничего не получилось. Его задушили, а на стене дырки остались.

- Откуда ты все это знаешь?

- Не знаю... У нас все это знают.

- И ты знаешь? - спросил Рахманин Люсю.

- И я,- кивнула она головой.

- А вы сами Красной Руки не боитесь?

- Нет,- подумав, ответили ребята.

- Я боюсь,- сказал до сих пор молчавший Александр Павлович.

Вот уж этого Рахманин никак не ожидал. И то, что ребята "пострадавшие" от Красной Руки, ее не боятся, а Молоко боится, придавало сказанному странную убедительность.

Рахманин отпустил брата и сестру. И потребовал у директора объяснений.

Александр Павлович провел его в свою комнату - квартиру, расположенную в левом одноэтажном крыле здания. Он подошел к дивану, на котором, очевидно, спал, отдернул угол огромного ковра, висевшего над диваном. И Рахманин увидел ярко-красное пятно в форме черепа, пробивающееся сквозь жухлые обои.

## БЕСЕДЫ С КАПИТАНОМ МАТВЕЕНКО

Матвееenko слушал Рахманина, не перебивая. Все просил рассказывать по два раза. А потом сказал, что хочет хорошенько все обдумать.

- Приходи завтра, - сказал он Виктору. - Покумекаем.

Когда назавтра Рахманин пришел кумекать к Матвееenko, тот первым делом показал ему телеграмму:

"МОЛОКО СКИСЛО. КИРЕКША. ЖДЕМ."

- Что бы это значило? - спросил Матвееenko.

- Ничего, - угрюмо ответил Рахманин. - Это значит, что директора задушили.

- А кого они ждут?

- Нас.

- Зачем?

- Чтобы задушить.

- А кто давал телеграмму?

- Откуда я знаю, - сказал Рахманин. - Может, Женщина с Красным Лицом. Может, Красная Рука прилетала. Может, Белые Перчатки бланк в окошко сунули.

- А почему же они сюда сами не едут? - настырно задавал свои следовательские вопросы Матвееenko. - Душили бы здесь, не привлекая внимания.

- Не знаю, - растерялся Рахманин. - Может, они застенчивые. Может, они московской милиции боятся. Может быть, дома им стены помогают. Может быть, погода нелетная. Все что угодно может быть.

- А кто у них главный, как ты думаешь?

- Никак не думаю. Может быть, Хозяин Кладбища. Может быть, Зеленый Пистолет.

- Это еще кто такой? Новое действующее лицо?

- Пока еще не действующее. Но скоро задействует.

- Да откуда он взялся?

- Вот отсюда. - Рахманин показал Матвееenko пачку писем, переданную ему из "Пионерской зорьки" за это время.

- Вот и хорошо, - сказал Матвееenko. - Давай-ка приведем наших действующих лиц в систему.

У Матвееenko постоянно звонил телефон. Все о чем-то его спрашивали, чего-то от него хотели. Но он как-то легко по касательной все мимо себя пропускал и, как клещ, держал только одну тему - события в Кирекше, события в Кирекше, и только события в Кирекше.

- Итак, составим список действующих лиц.

- Действующих лиц и их товарищей, - добавил Рахманин. - Потому что целый ряд лиц пока не действует.

- Давай по порядку. Все-таки кто у них главный?

- Не знаю. Скорее всего, Хозяин Кладбища.

Но может быть кто угодно. Тот же самый Человек с Синими Зубами.

- Да у тебя целый паноптикум! - воскликнул Матвееenko. - И все разноцветные. Начнем с Хозяина Кладбища. Что о нем

известно?

Рахманин отыскал письмо на "Пионерскую зорьку" о Хозяине Кладбища и стал читать Матвеевко:

"Возле одного английского кладбища стояла гостиница. В ней никто не жил. Однажды в Англию приехали два француза туриста. Они не верили ни в какие ужасы и, узнав о гостинице на кладбище, пошли туда жить. Ночью, открывая окно, чтобы зашел свежий воздух, они увидели, что в проходах между могил светятся два красных огонька. Видно было, что этим глазам надоело среди могил, и они хотят напасть на комнату. Французы схватили револьверы... Послышалось хлопанье крыльев... Они стали стрелять... Позвали полицию. Существо убежало. А утром увидели... что мальчишки во дворе стоят около чудовища с крыльями и палками толкают его возле глаз, которые еще светятся... Отдали Хозяина Кладбища на исследование. После исследования им ответили, что чудовище сбежало от генетиков 29 лет назад. Что это очень опасное животное... Клетку человека скрестили с клеткой летучей мыши и оставили в благоприятных условиях. Генетики совсем забыли про клетки, как из ящика, где они лежали, вылетело чудовище, схватило в зубы первого попавшегося человека... ("Очевидно, генетика", - подумал про себя Рахманин)... разбило окно и улетело. И поселилось на кладбище, потому что там спокойно... Но остались другие чудовища, его братья, и они мстят людям, которые с ними борются. Записал историю Берекет Дима, 6-й класс".

- Спасибо,- сказал Матвеевко.- Кто тебе больше всех понравился в этой истории?

- Конечно, французы! - ответил Рахманин.- А вам?

- А мне Берекет Дима, который записал эту историю. Несмотря на то, что эти "хозяева жизни" мстят тем, кто с ними борется. Что еще есть про Хозяина Кладбища?

- Есть другие варианты. Что это умершие люди, которых не принимает земля. Есть даже стихотворная версия.

- Читай.

Рахманин прочел:

- По ночам на кладбище Хозяин  
Приготовил мраморный столешник,  
Ждет своих начальников на ужин,  
Приготовил он кагор кровавый,  
Приготовил шпагу и свечу...

- Это уже просто Малый театр,- сказал Матвеевко.- Слишком уж натуралистично. Это, пожалуй, совсем из другой серии. А что это за Зеленый Пистолет?

Рахманин вытащил из папки письмо:

- "В одной деревне жил мальчик. Один раз мальчик пошел гулять и увидел около реки бабушку. Она была одета во все черное и в руках у нее была корзина, накрытая сверху черным платком. Бабушка показалась мальчику подозрительной, и он, чтобы проверить, ведьма она или простая старушка, сунул руки в карманы и сделал фиги. Бабка сразу оглянулась и, чмокая губами, спросила, что ему нужно. От страха мальчик сказал, что

в голову пришло: "Я здесь пистолетик потерял. Вот и ищу его". "Вот этот?" - спросила старуха и достала из корзины большой блестящий пистолет. Мальчику так захотелось иметь его, что он тут же соврал: "Да, это мой пистолет". Мальчик взял пистолет. И вдруг бабка вся стала зеленая, и корзинка зеленая, и они постепенно исчезли. Мальчик обрадовался и пошел домой. Идет и пистолетом иногда любуется. А навстречу цыганка шла. Она сказала: "Что это, мальчик, у тебя?" "Вот я пистолетик нашел". "Дай сюда!" - сказала цыганка. Она схватила пистолет и бросила его в речку. И вдруг река в этом месте зашипела и стала зеленой. А у мальчика на всю жизнь остались зеленые ладошки".

- И много у тебя таких историй?- спросил капитан.

- Почему у меня? У всех советских детей. Остановите на улице любого ребенка и спросите: "Знаешь историю про Желтые Шторы?" Он ответит: "Знаю". Или спросите: "Знаешь историю про Черный Тюльпан?" И вам скажут: "Конечно".

- Странно,- сказал Матвеевко,- на глазах у всей страны действует шайка потусторонних душителей и убивал, все о ней знают, одна милиция не в курсе.

Он немного подумал и добавил:

- Хорошо, давай проведем следственный эксперимент. Выйдем на улицу и спросим у первого школьника про твой Черный Тюльпан.

Первый встречный школьник оказался сыном Матвеевки Петром. Он крутился на велосипеде возле кинотеатра "Горизонт", вместо того, чтобы помогать матери на маленьком Матвеевковском участке.

- Слушай,- спросил его отец.- Ты знаешь историю про Черный Тюльпан?

- Конечно, знаю,- обрадовался мальчик.

- Ну-ка, расскажи.

- Пожалуйста. У одной девочки мама уехала в командировку надолго, бодро начал молодой Матвеевко.- А дело было под Новый год. И она ей оставила 10 рублей, чтобы девочка купила себе карнавальный костюм. Приходит она в магазин, а там костюм принцессы стоит 20 рублей и костюм снежинки 15, и больше ничего нет. И вдруг продавщица говорит:

- Девочка, хочешь костюм Черного Тюльпана?

- А сколько он стоит?

- Десять рублей.

И показывает костюм отличный. Платье черное шелковое и все остальное, что нужно для девочки. Девочка, конечно, купила костюм и побежала домой.

- Так, а дальше? - спросил старший Матвеевко.

- А дальше на другой день сидит она на кухне. И вдруг само собой заговорило радио. А оно было поломанное. "Девочка, девочка, прыгай в окно, Черный Тюльпан появился в городе".

Девочка подумала, что это кто-то шутит. Она жила на втором этаже. А радио опять говорит:

"Девочка, девочка, прыгай в окно, Черный Тюльпан сошел с троллейбуса, подходит к твоему дому". Девочка говорит тому

голосу в радио: "Сам прыгай. Я не дура". А радио как закричит: "Девочка, девочка! Зря ты меня не слушаешься, Черный Тюльпан подходит к твоей квартире. Он близко стоит".

- Ну и кочергой его! - подсказал старший Матвееenko.

- Это ты кочергой, - возразил Петр, - а она маленькая. Она встала, пошла к дверям, чтобы посмотреть, кто это так шутит, а в это время дверь шкафа сама собой открылась и на пороге появился Черный Тюльпан. И прямо пошел на девочку. Радио как закричит еще сильнее: "Девочка, девочка, не теряй времени! Прыгай теперь в окно! Может, еще спасешься! Тебе говорят!" Девочка прыгнула в окно. Падает, только не камнем, а как на парашюте. Может быть, и не расшибется. А Черный Тюльпан перегнулся через подоконник, вытянул руки, и они у него начали расти. Растут, растут и все хотят схватить девочку. И уже у самой земли схватили девочку и обратно втянули. И Черный Тюльпан сказал: "Ти хотела от меня убязать, я тебя за это убью".

- Он что, иностранец был? - спросил Рахманин.

- Нет. Он просто плохо по-русски говорил.

- Значит, он не русский? - спросил Матвееenko-старший.

- Он никакойский.

- И что, убил он девочку?

- Нет. Он заставил ее быть служанкой. И все время уходил в шкаф. Вот однажды, когда Черного Тюльпана не было, радио опять заговорило:

"Девочка, девочка, достань из шкафа костюм Черного Тюльпана и сожги его". Она бросила костюм на пол и подошла. Он весь сразу вспыхнул черным пламенем с синим уклоном, кто-то страшно закричал, и девочка потеряла сознание. Когда она пришла в себя, на месте костюма ничего не было. И Черный Тюльпан больше не приходил.

"Ознакомившись с делом" при помощи сына, Матвееenko поделился своими выводами с Рахманиным:

- Ты смотри, у этих Красных Рук и Черных Простыней есть не только сторонники. Кто-то по радио старается их опередить, предупредить об опасности.

А Рахманин пытался представить себе, как выглядит Черный Тюльпан. Он как капустные листья разматывал бинты темноты с его лица и все пытался и пытался разглядеть - что же под ними... что там под ними... Но неведомые черты не прояснились, а все затуманивались и уходили, затуманивались и уходили.

Отпустив "свидетеля Петра", милицейские работники пошли в ближайшее кафе обедать.

Кафе-ресторан (странное сочетание) находилось (находился) при местной новой гостинице "Зеленгород".

В нем было пусто. В самом светлом углу только сидела одна девушка в свадебном белом платье.

Рахманин сказал Матвееenko:

- Она от них.

- Кто она? От кого от них?

- Эта девушка. Она от Красных Рук.

- Ты что, студент, с ума сошел? Почему?

- Потому что у нее на платье Красное Пятно.

- На этой скатерти тоже красное пятно,- сказал Матвееenko,- значит, она тоже от них, от этих занавесок?

- Скатерть не от них, а девушка от них,- уперся Рахманин.- Можете проверить. Никаких документов у нее нет.

Матвееenko молча поднялся и направился к девушке. Он подошел и вежливо сказал:

- Извините, пожалуйста, мы из милиции. Мы разыскиваем одну женщину, похожую на вас. У вас есть какие-нибудь документы? Разрешите взглянуть.

Тут произошло неожиданное и несуразное. Девушка встала и почему-то спиной вперед, как в балете "Лебединое озеро", поплыла к выходу. Все дальше и дальше. Дальше и дальше. Как в кино.

Казалось, что капитан сейчас тоже взмахнет руками и плавно, как в балете, засеменит за ней в своих просмоленных сапогах. Но Матвееenko руками не взмахивал и никуда не семенил. Он просто вернулся за столик к Рахманину и сказал сердито:

- Чумовая какая-то. Так почему же она от них? Кто она такая?

- Это Девушка с Красным Пятном. Про нее есть много историй.

- Пожалуйста, излагайте.

- А чего тут излагать. Читайте сами,- сказал Рахманин.- Вот письмо из того же города Покровска.

Матвееenko быстро прочел:

"Один юноша солдат сидел в ресторане и пил красное вино. К нему подошла одна очень красивая девушка в белом платье. Они познакомились, и она дала ему свой номер телефона. Она написала его на салфетке и протянула ему. А он нечаянно опрокинул вино. Несколько больших капель попало на белое платье девушки. Вечером он позвонил по телефону. Трубку подняла пожилая женщина. Он попросил девушку к телефону, а женщина расплакалась и сказала, что та, которая нужна ему, ее дочь, и что она умерла два года назад. Он ответил, что этого не может быть, потому что он видел ее сегодня утром и разговаривал с ней... Дело дошло до того, что раскопали могилу, чтобы пролить свет на это темное дело.

Когда этот человек увидел девушку, то он сразу узнал ее. У нее на платье были свежие капли вина. И тут раздался голос: "Уходите отсюда. Тот, кто будет долго смотреть, скоро умрет". Все. Варезкина Катя. Пятнадцать лет".

- Так это была она? - спросил Матвееenko.

- Или она или такая же,- ответил Рахманин.

- Плохи наши дела,- сказал Матвееenko.- Если бы я во все это верил, я бы сказал, что мы засветились и что пора сматывать удочки.

- А я и в самом деле так думаю, что мы засветились и что пора сматывать удочки.

- И все-таки не надо спешить. Давай-ка мне сюда всю эту пачку писем. Я их почитаю и постараюсь привести в систему. Я

так думаю. Пусть все это есть... Тогда это или инопланетяне с какой-то чудовищной техникой и странным смыслом жизни, или это потусторонние силы, объединенные в шайку: ведьмы, фантомасы, мефистофелевщина всякая...

- Или наши галлюцинации,- добавил Рахманин.- А может быть, еще хуже - материализованный бред.

Он передал Матвеевко все имеющиеся письма и отправился в отпуск на неопределенное время.

## ЕСТЬ ЛИ В ЭТОМ БЕЗУМИИ СИСТЕМА?

Уже несколько часов ломал над этим голову Матвеевко. Все воскресенье Анатолий Петрович сидел у себя в комнате и перебирал пачки писем, которые принес Рахманин из "Пионерской зорьки". Его никто не беспокоил. Ребята знали, если отец работает дома, значит, занимается самым важным. А жена была счастлива, что вся семья в сборе, и постоянно приносила ему то чай, то блинчики.

Но капитану было не до чая и не до блинчиков. Перед ним открывались истории одна страшней и уголовнонаказуемее другой.

### "СЕКРЕТНЫЙ СЛУЧАЙ НА СОВЕТСКО-ПОЛЬСКОЙ ГРАНИЦЕ."

На советско-польской границе произошла эта история. Есть там в самом центре темной дубравы старый замок, который был заброшен в стародавние времена и совсем был бы забыт людьми, если бы рядом не проходила граница, а значит, и пограничная тропа.

На заставе знали расположение комнат в замке, но не каждый раз осматривали их, а лишь когда что-то вызывало тревогу.

Однажды в наряд мимо замка пошел один солдат, служивший недавно, но хорошо знающий те места. Звали его Юрой. Он, собственно, и рассказал эту историю. Кроме него, в наряде были сержант Березов и солдат Гвоздин.

Шли они около замка и увидели, что в верхнем окошке на втором этаже мелькнул свет и что-то заискрилось. (Это была самая маленькая комната на втором этаже в углу.)

Сержант приказал Юре остаться внизу, а сам с Гвоздиным отправился на обследование замка.

- Если услышишь что-то подозрительное, свяжись с заставой и сообщи обо всем,- сказал он перед уходом.

Стоит Юра, прислушивается: вот прошли дверь, топают по лестнице, по коридору, скрип открываемой тяжелой двери в комнату... автоматная очередь, страшный крик и глухое падение тел одного за другим.

Юра опешил, но спустя несколько мгновений пришел в себя и бросился к ближайшему потайному телефону, чтобы сообщить на заставу о происшествии. Через несколько минут заставка, поднятая в ружье, была у замка, и все побежали вверх, на выручку.

Когда открыли дверь одной из комнатшек, предстала страшная картина: в нескольких шагах от двери лежал лицом вниз сержант

Березов, а у дверей с автоматом на предохранителе – солдат Гвоздин, но глаза у сержанта были широко открыты.

Когда врач заглянул в них, он дико закричал и упал без признаков жизни. Оказалось, что на сетчатке глаз сержанта отпечаталось то страшное видение, которое он видел перед смертью. Постепенно оно растворилось и ушло.

Когда врача откачали, сознание вернулось к нему, но он ничего не помнил. Он совершенно все забыл, и его заново пришлось учить всему как маленького: словам, умению завязывать ботинки, есть и пить. Потом он снова стал ходить в школу при погранзаставе. Во все классы.

А этот замок обнесли колючей проволокой, и больше туда никто не заходил. Иногда в этой комнате в углу что-то тихонько светится и искрит: Ученые хотят туда попасть, но пограничники никого в эту секретную зону не пропускают".

Про сетчатку глаза, с которой все можно читать, Матвееenko как следователь знал, что это ерунда. Но в остальном рассказ звучал убедительно.

– Вот бы допросить этого Юру по-настоящему да и всыпать ему, чтобы ерунды не нес. А впрочем, я думаю, его и без меня допрашивали. Там у военных свои следователи есть. А доктор снова в школу будет ходить десять лет – не позавидуешь.

Следующая история была очень похожей.

В одной пустыне шла экспедиция. И вдруг на пути – колодец. Одного геолога решили туда опустить. Его долго опускали, вдруг он дико закричал и задергался. Когда его достали, он был мертвый и седой. Тогда вместо него опустили фотоаппарат. Фотоаппарат что-то сфотографировал. Вот стали проявлять пленку. Проящик как взглянул на нее, так страшно закричал и умер.

Его помощник догадался счесть фотографию, не заглядывая в нее. Он понял, что эта фотография может погубить сотни людей. Так никто и не узнал, что же было там, в этом пустынном колодце.

– А действительно, – думал Матвееenko, – что же было в этом пустынном колодце? Может быть, страшный скелет? Может быть, пистолет, направленный в глаза? Может быть, тигр с зубами?

– Ну ладно, – думал он. – Я еще могу испугаться тигра с зубами или скелета, но чтобы испугался закаленный в нервах геолог?

– Да! – возражал он сам себе. – А если это был его собственный скелет. Он его узнал и испугался.

– Да ерунда! Что он, своих рентгеновских снимков не видел? И опять же: как это скелет геолога мог оказаться в колодце раньше самого геолога?

Матвееenko кликнул сына. Дал ему прочитать оба письма. И спросил:

– Ты знаешь, что там было?

– Конечно, знаю.

– И что же?

– Космические Глаза.

- Чего, чего?- оторопел Анатолий Петрович.

- Космические Гипнотизирующие Глаза. Они смотрят на человека и приказывают: "Немедленно умирай". И человек умирает от космического гипноза.

- Спасибо, сынишка,- сказал строгий капитан.- Вот не знал, что у тебя голова такой ерундой набита!

Но про себя он подумал, что этот довод, пожалуй, самый убедительный. И что думай он три дня, такого, пожалуй, не придумал бы.

На следующем конверте было написано:

"ЧЕРНАЯ СМЕРТЬ В ГОРОДЕ НЬЮ-ЙОРКЕ".

- Ну и пусть этой смертью нью-йоркская полиция занимается,- подумал Матвеевко. Но любопытство взяло верх. Тем более что на последнем Съезде депутатов очень много говорилось о вступлении в Интерпол. Он начал читать:

"Однажды в море один грузовой корабль дал сигнал 505. Мимо проходил другой корабль, и его экипаж решил прийти на помощь.

Когда они поднялись на борт, то никого там не нашли. Только помощник капитана второго корабля зашел в одну каюту и увидел, что на полу лежит груды одежды. Из этой груды вдруг выползла какая-то черная туманная масса и бросилась на помощника.

Она обволокла его и съела. Осталась одна морская форма с фуражкой. Это была Черная Смерть. Все остальные испугались, убежали и уплыли.

Этот случай был описан в газетах.

Через несколько лет в одной квартире где-то на западе какой-то богач проснулся и увидел, что его любовница пошла в ванную. Ее очень долго не было. Он удивился и пошел за ней следом. В ванной лежал только халатик и тапки.

И вдруг на него с потолка набросилась Черная Смерть. Она кинулась на богача, но у него в кармане халата всегда был пистолет. Он несколько раз выстрелил. Черная Смерть съежилась, но не умерла. Она втянулась в дыру в полу, куда уходит вода, и пошла по городу.

С той поры Черная Смерть погубила множество людей. Она растворяла их, оставляя лишь одежду. Она перебиралась из одного места в другое по канализации и водопроводу, и ее невозможно было поймать.

Но однажды она выползла на улицу из канализационного люка и напала на полицейского. Тот стал стрелять из автомата, и она уползла обратно. Полицейский вызвал по радио подмогу, они открыли люк и увидели, что дальше нет хода. Они забросали Черную Смерть слезоточивыми гранатами, а потом и простыми.

Потом в люк спустились ученые и взяли несколько кусочков Черной Смерти в стеклянные банки.

Оказалось, что Черная Смерть зародилась от биомассы, когда американцы проводили в океане испытание водородной бомбы. Когда во всем разобрались, последний кусочек сожгли, и ее не стало".

Прочитав много писем, Матвеевко понял, что все истории можно было разделить на группы. К первой группе относились

### ПОНЯТНЫЕ УЖАСЫ.

Сюда входили традиционные рассказы, связанные со скелетами, вампирами, красным печеньем, с котлетами, в которых встречался человеческий ноготь, и т. д.

Ко второй группе относились

### УЖАСЫ НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЕ.

К ним относились Черная Смерть из канализации, Космические Гипнотизирующие Глаза, смесь человека с летучей мышью.

И к третьей группе относились самые ужасные ужасы -

### УЖАСЫ НЕОБЪЯСНИМЫЕ.

Такие, как Красная Рука, Черная Простыня, Черный Тюльпан, Женщина с Красным Лицом, Белые Перчатки, Зеленые Пальцы и т. д.

Именно от этих историй исходила непонятная угроза, и никак Матвеевко не мог отмахнуться от них, считая пустым вымыслом.

### РАХМАНИН УЖЕ НЕ РАД

Рахманин жил в Москве один. Он снимал угол у старушки. Но сама его старушка постоянно жила у другой старушки - своей соседки. Так что Рахманин, снимая угол, фактически снимал целую московскую комнату с телефоном. И первое, что он увидел, войдя к себе, большое красное пятно на стене. Точнее, блекло-красное. Он позвал хозяйку.

- Нина Николаевна, что это?

- Где?

- Вот здесь на стене.

- Ничего. Обои потрескались.

- А вот это красное что?

- Где красное, Витек? Это серебряный накат.

- А красного нет?

- Нисколечко нет. Это у тебя пятна радужные в глазах. Со мной такое тоже бывает. Особенно после гимнастики.

- Вот это новость! - поразился Рахманин.- Вы гимнастикой занялись?

- И я занялась. И Наталья Ивановна занялась. Нам по телевизору велели. "Для тех, кому больше семидесяти".

- Вот и хорошо,- сказал Рахманин.- Со временем и я к вам присоединюсь. Особенно если буду жив. Значит, нет красного?

- Нет, совсем нет.

Рахманин успокоился. Но тут зазвонил телефон. И страшный голос пропел Рахманину:

- Бегут, бегут по стенке Зеленые Глаза. Они девочку задушат, да, да, да.

Потом раздались гудки.

Он плюнул и пошел на улицу.

Рахманин был одинокий ковбой. Обходился в Москве без друзей и знакомых. Пожалуй, в первый раз он пожалел, что не к кому пойти и рассказать о происшествиях последних двух недель.

Он шел куда глаза глядят. В своем Покровском-Стрешневе он

знал каждый уголок. Но сейчас он увидел, что оказался в районе, в котором никогда не был. Стояли дома непривычной конструкции, росли деревья незнакомого вида. И на улице не было ни одного человека. Казалось, что в этой части города только что наступило самое раннее-раннее утро.

Он подошел к остановке трамвая. Номера были какие-то странные No 1932-1958, No 1983-19...

- Как цифры на кладбище,- подумал Рахманин.

И сразу же показался трамвай. Он шел почти бесшумно, хотя выглядел очень старым на вид, как будто сошел с дореволюционной фотографии, и по логике должен был бы греметь.

Он все ближе и ближе. Глаза у Рахманина полезли на лоб, потому что трамвай был черного цвета. Не трамвай, а катафалк.

Двери распахнулись. Виктора так и потянуло в черную прямоугольную дыру. Еще секунда, и он сделал бы шаг. Но у него хватило разума повернуться и шагнуть в обратную сторону.

И все резко переменялось. Появились люди. Возник шум города.

- Почему я не вошел в него?- думал Рахманин.- Почему?

И он понял. На трамвае стояла цифра- 1968. Это был год его рождения.

#### ПОХОРОНЫ МОЛОКА

На другой день Матвеевко вызвал Рахманина в Зеленгород.

- Ну что, студент, едем в Кирекшу?

- Зачем?

- Надо же узнать, что случилось с директором. Почему он скис.

- А может, он и не скис совсем. Может, это шутка,- возразил Рахманин.

- Вот и узнаем, кто так остроумно шутит. Эти шутки как раз для милиции.

- Хорошо. А что вы скажете начальству? Все расскажете про Красную Руку? Про Девушку с Пятном на платье? Про Черный Тюльпан?

- Нет, эти истории не для слабонервных. Вернее, наоборот,- поправился Рахманин. Эти истории для слабонервных. А наше начальство, оно, как бегомоты,- никаких нервов, одни инструкции. Просто у милиции всегда есть дело в радиусе двух тысяч километров от основного места работы. А у меня одна драгоценность есть - музейная икона... изъятая, палехская. Она полгода у меня в кабинете в диване лежит. А по ней давно какой-нибудь музей подмосковный плачет. Вот и поспрашиваем в Кирекше в церкви и в краеведческом музее, не у них ли она украдена.

- А меня вы кем оформите?

- Сопровождающим. Мы поставим ей цену больше трех тысяч. А для такой стоимости охранник нужен. Да еще и машину возьмем.

Нет, Рахманин не рвался в эту командировку. Никакой радости

от нее он не видел и осматривать убитых не привык. Но и отказывать Матвееенко не хотел. Было бы нечестно оставить его одного в такой поездке.

- Хорошо,- сказал Рахманин.- Только порой мне кажется, что я от всего этого начинаю сходить с ума. Вы ничего не знаете о Черном Трамвае?

- Нет.

- А за мной, кажется, его присылали.

- Расскажите.

- В одном городе жил юридический студент. Его звали Виктор,- начал Рахманин.- Однажды он узнал, что в городе есть Красная Рука и Стеклянная Кукла. Он стал за ними следить. Как-то раз он шел по городу и стал ждать трамвая. Вдруг видит, что на остановке никого нет, все люди куда-то ушли. Тут к остановке подходит Черный Трамвай. Весь старинный и весь залит темнотой. Во всех окнах темнота, и в кабине водителя темнота. Двери открылись, и Виктор туда не вошел. Трамвай, скрипя зубами, уехал. А если бы он вошел, то больше Виктора никто бы не встретил. А если бы кто-нибудь его встретил, то он был бы с красным лицом или рот у него был полон синих зубов.

- Про Женщину с Красным Лицом мы проходили,- сказал Матвееенко.- А что это за Человек с Синими Зубами? И, пожалуйста, дайте мне подробности про Желтые Шторы. Я пока ничего о них не знаю.

- Я вам в дороге расскажу.

- Очень хорошо. Завтра с утра выезжаем. С рассветом. Около пяти или шести.

#### СЮРПРИЗ В КИРЕКШЕ

(Встреча с человеком, которого уже похоронили)

Выехать около пяти или шести не удалось. Выехали около двенадцати. Им дали синий милицейский "Москвич" с упитанным усатым водителем с очень милицейской фамилией - Лютый.

- Так что мы знаем про Желтые Шторы? - спросил Матвееенко, когда машина с запутанного Зеленгородского шоссе выбралась на оборонную бетонку и пошла считать плиты.

- Да все то же! - ответил Рахманин.- Слушайте.

Матвееенко с водителем Лютым стали внимательно слушать.

- "ИСТОРИЯ ПРО ЖЕЛТЫЕ ШТОРЫ.

Однажды семья, где были папа, мама, мальчик и девочка, решила купить шторы. А у них недавно умерла бабушка. Перед смертью она говорила: "Покупайте какие угодно шторы, только не желтые".

- Очень милая картина,- вмешался Матвееенко.- Лежит бабушка и умирает. Кругом врачи, родственники. Ее спрашивают, что вы хотите сказать остающимся. Она говорит: "Покупайте какие угодно шторы, только не желтые".

- Ну и что? - возразил Рахманин.- А есть вариант этой

истории, что бабушка после смерти позвонила по телефону. И сказала про шторы. Значит, они ее очень беспокоили. Слушайте...

Семья ходила, ходила по рынку, но ничего, кроме желтых занавесок, там не было. Тогда они подумали, подумали и купили эти занавески. Пришли домой и повесили их в детской комнате.

- Нашли где вешать! - прокомментировал водитель Лютый.

- А что, нельзя было? - спросил Матвеевко.

- Конечно, нельзя. Эти шторы там всех передушат.

- Ты-то откуда знаешь?

- Кто ж этого не знает. У нас в городе это сколько раз было.

- Где это у вас в городе? - еще больше поразился Матвеевко. - И куда же это ваша милиция смотрела?

- У нас в Виннице. А милиция известно куда смотрит - на показатели. Такие преступления не раскрываются, показателей не дают. Поэтому их и не замечают.

- И что дальше было? - спросил Матвеевко.

- На следующую ночь родители спали и дети спали. Вдруг Желтые Шторы разбудили мальчика:

"Мальчик, вставай". Мальчик встал. "Мальчик, пойдди умойся". Мальчик умылся. "Мальчик, иди позавтракай". Он позавтракал. "Мальчик, подойди к окну, посмотри, как во дворе играет твоя сестра". Он подошел. Тут Желтые Шторы схватили его и выбросили в окно".

- Я так и думал! - крикнул Лютый.

- Послушайте, - спросил Матвеевко, - а кто слышал, как Шторы с мальчиком разговаривали?

- Откуда я знаю! - ответил Лютый. - Кому надо, тот и слышал.

- Может быть, девочка слышала, - предположил Рахманин.

- Почему ты так решил?

- Потому что на другой день ее убрали.

- Кто убрал?

- Шторы эти самые, занавесочки, - сказал Виктор.

- Как свидетельницу, - добавил Лютый, не отрываясь от баранки.

- Наверное, - согласился Рахманин и продолжил: - На следующую ночь Шторы разбудили девочку: "Девочка, девочка, вставай". Девочка встала. "Девочка, девочка, умойся". Она умылась. "Девочка, девочка, подойди к окну. Посмотри, не играет ли там твой брат". Девочка подошла, тут же Желтые Шторы схватили ее и выбросили в окно. Тогда родители утром пошли в милицию. Милиция пришла и стала исследовать Шторы. От них нельзя было отрезать ни кусочка. Они выкальзывали из-под ножиц как живые. И родители вспомнили про старуху на базаре, которая продавала эти Шторы. Ее поймали, и она сказала:

- Эти Шторы не простые. Их можно разрезать скальпелем, который внутри кремлевской звезды.

Тогда милиция залезла на кремлевскую башню, достала из звезды скальпель. Только им дотронулись до Штор - произошел взрыв и Шторы, и нож исчезли".

- Просто "Очевидное-невероятное", - сказал Матвеевко. - Откуда у тебя эта история? Это что-то новое.

- Меня моя соседка порадовала, Нина Николаевна. Еще она историю про Человека с Синими Зубами знает.

- Я тоже эту историю знаю. Она у нас в Виннице началась.

- Вот не знал, что Винница такой потусторонний город, - сказал Матвеевко.

- Сами вы потусторонний, Анатолий Петрович, - отпарировал Лютый. - Про этого Человека с Синими Зубами столько разговоров было. Он тогда появился у нас, когда на старом кладбище танцплощадку построили.

- Точно, - согласился Рахманин. - И во Владимире так же было. Как сделали танцульки на костях, так все и началось.

- Что началось?

- Все началось. Этот Человек появился.

И Лютый рассказал Матвеевко "Историю про Человека с Синими Зубами".

"В одном городе жила-была одна девушка. Она была очень красивая. У нее умерла мать и осталась только бабушка. Однажды девушка пошла на танцы. Бабушка ей сказала: "Если тебя будет приглашать мужчина с синими зубами, не танцуй с ним". Она пришла на танцы, танцевала с разными мужчинами, а потом ее пригласил мужчина с синими зубами. Девушка пошла с ним танцевать. Танцы кончились, и мужчина сказал, что он проводит ее до дома. Они сели в машину и поехали. А у этой девушки был один знакомый с мотоциклом. Он все время ехал сзади. Машина Человека с Синими Зубами шла уже со скоростью сто пятьдесят километров в час. Знакомый еле успевал за ними. Девушке было очень страшно. Вот они выехали за город на шоссе. И стали ехать совсем быстро. И тогда из окна машины Человека с Синими Зубами вылетела Черная Простыня и полетела к мотоциклисту. Она стала его душить. Он стал с ней бороться, потерял управление, вылетел в кювет и разбился. А эту девушку никто больше не видел".

- А кто же видел все эти подробности? - спросил Матвеевко.

- Люди видели.

- И что же, никто не запомнил номера машины? Ведь нечасто люди на танцы в машинах приезжают, - приставал к Лютому капитан.

- Может, кто и запомнил, - отвечал Лютый, - только говорить не хотят. Неизвестно, может, у этой летающей Простыни братья и сестры есть... Наволочки и полотенца разные.

- Да, - сказал Матвеевко, - если у нас так милиция рассуждает, то остальным гражданам сам бог велел дрожать от страха.

- А что? - согласился Рахманин. - Я уже понемногу начинаю.

А машина летела и летела среди потрясающей красоты лесов и пейзажей. Лютый твердой рукой обгонял рейсовые автобусы, грузовики и даже легкие "Жигули", несмотря на их более мощные моторы и нахальных, неуступающих водителей.

Проехали Покровск, проползли через Владимир, и вот уже на

горизонте замаячило поместье – интернат Кирекша. Не останавливаясь, поехали сразу к кладбищу.

Еще издали заметили большое скопление людей, трубы оркестра. Подъехали ближе, вышли из машины и встали рядом, низко опустив головы.

Все уже заканчивалось. Слышались рыдания. Несколько не очень трезвых молодых людей засыпали и ровняли могилу.

Матвеевко сказал, что им здесь больше делать нечего и лучше ехать в интернат.

Так они и сделали. Но интернат был пуст. Дети опять были в поле, а старшие не вернулись с похорон.

– Вот что, – сказал Матвеевко Рахманину. Ты пока здесь оставайся, а мы съездим в краеведческий музей.

– Можно, я с вами? – спросил Рахманин.

– Нельзя, – сказал Матвеевко. – Ты поработай здесь.

И Рахманин понял, почему. Если бы они вместе уехали, им бы вместе пришлось возвращаться, вместе вести опрос свидетелей, и в результате вся зеленгородская милиция на следующий день знала бы от милиционера Лютого, чем уже более месяца занимаются Матвеевко и Рахманин за государственный счет, какой ерундой. Рахманин сам должен был разобраться во всем. Он понял это и сказал:

– Хорошо, поезжайте. Только не забудьте меня здесь. Мне это место совсем не нравится.

– Ладно, не кисни, – сказал Матвеевко.

– Хорошо, не буду, – ответил Рахманин. Хотя прекрасно понимал, что один уже недавно скис. Но всю светил солнце, и было совершенно нестрашно.

Рахманин стал прогуливаться около входа в учительскую, чтобы поговорить с кем-то из учителей.

Однако дом был пуст. Ребята, наверное, продолжали работать в поле, а взрослые собрались где-нибудь на поминках.

– Дурацкая ситуация! – подумал Рахманин. – Люди сидят, пьют, беседуют. А ты приходишь и спрашиваешь: "Кто видел покойного в последний раз? А не было ли на его шее следов от удушья?" Тебе говорят: "Не было. Он был здоров как бык. Вот справка о его смерти". Ты снова спрашиваешь: "А вскрытие проводилось?" Тебе говорят: "А по морде не хотите?"

Время уходило и уходило. Никто из взрослых не появлялся.

Рахманин поднялся в учительскую комнату, в ту самую, в которой он спал в прошлый раз. Сел на диван, стал рассматривать документы. Ничего не было особенно интересного. Все: журналы, книги, выписки, решения – все было такое скучное, среднесиротское. Рахманин сам не заметил, как заснул. Будто заколдованный.

Проснулся он весь мокрый и встревоженный от скрипа двери. Она медленно плыла в пространстве комнаты. Кто-то тихо входил.

Рахманин напрягся на диване: что-то происходит... что-то случается. Вот показалась белая рука, вот в комнату вошел похоронный костюм. В костюме был человек – Александр Павлович Молоко.

Рахманин дико вскрикнул, заметался по комнате. Потом вскочил на подоконник и сиганул вниз.

- Не возьмете!

Он недолго путался в кустах под окном... бежал. Во время бега жить не так страшно. Ему казалось, что этот страшный человек в костюме бросится и поплывет по воздуху за ним, схватит его своими страшными малоподвижными белыми руками, и тогда... что будет тогда, Рахманин не знал, но и не очень стремился узнать.

Он пробежал мимо хозяйственных построек во дворе и выскочил на главную аллею.

Как раз появилась милицейская машина с любимым Лютым и спокойным Матвеенко. Они остановились около Виктора.

- Ну что? Как дела? - спросил Матвеенко. - Все в порядке?

- Более чем, - ответил запыхавшийся Рахманин.

- Ты провел опрос свидетелей?

- Да, да, - отвечал Рахманин. - Конечно. Самого покойника чуть не допросил, да нервы сдали. Поехали отсюда.

Матвеенко очень хотелось узнать подробности. Но при Лютом он не стал.

Машина двигалась в сторону Москвы по чудесным российским пейзажам, мимо дубовых рощ, грибных перелесков, широких рек и заросших речушек, порою над огромным песчаным карьером, порою чистым придорожным лесом, а позади поднималось облако на полнеба. Оно чернело, наливалось грозой, и облако это было Александром Павловичем Молоко.

- Анатолий Петрович, - спросил Рахманин, - на кого это облако похоже?

Матвеенко обернулся и посмотрел:

- На колотушку для картошки.

Больше почти до самой Москвы они не разговаривали.

Где-то, когда уже ехали по Москве, Лютый "порадовал" их еще одной историей.

- Чего только не бывает на свете. Вот у нас под Термезом одна змея влюбилась в военного.

- Где это у вас под Термезом? - перебил Матвеенко. - Ты же у нас из Винницы.

- Под Термезом, где я служил. Хотите расскажу?

- Давай рассказывай, - велел Матвеенко.

- Был у нас один новичок из Кемерова. Все время в карауле стоял, больше всех.

- Что, любил стоять? - спросил капитан.

- Бог его знает. То ли любил стоять, то ли неспорил, когда его в караул ставили. А может, то и другое. Только, как ни проедешь мимо, он на посту с карабином столбом стоит. И вот в него змея влюбилась, маленькая такая гюрза. Она все время на него смотрела. А однажды скользнула ему на плечи и шею обвила. Он испугался, стал ее сдергивать. Она его ужалила. Пошли на пост его менять, а он уже мертвый.

- Ну и что? - сказал полудохлый Рахманин. - Может, солнечный удар был у него.

- Да?!- возразил Лютый.- Полгода не ударяло в самую жару, а тут осенью ударило!

- А может, его скорпион укусил?

- А то наши врачи не знают, кто его укусил,- возразил упрямый Лютый. Змея его укусила... змея.

- Ладно,- вмешался Матвеев.- А может, он на нее наступил? Откуда вы взяли, что она влюбилась?

- Да оттуда и взяли, что мы эту змею сто раз видели.

- Ничего себе! Это где?

- Она у него на могиле поселилась. Все время лежала. Мы своими глазами видели. Как ни придешь, она там! И раз - сразу в камни!

Нельзя сказать, чтобы эта лав-стори обрадовала Рахманина. У него все время перед глазами стояла такая картина: маленькое солдатское кладбище, все в камнях и скалах, рядовая солдатская бетонная могила, и на ней маленькая мультипликационная змейка с холодными бриллиантиками вместо глаз.

## КРУГ СУЖАЕТСЯ

Вернее, круг расширяется

Как только Рахманин приехал в Москву и вошел в квартиру, раздался телефонный звонок. Какой-то дохленький, но междугородный.

Звонили из Торжка. Виктор долго выяснял, кто звонит, действительно ли дядя Мирон Бирюков или какие-нибудь Синие Уши.

Звонил в самом деле дядя Мирон. Он сказал, что Александра Серафимовна померла. Ее похоронили. И что для Рахманина есть "старинушка". И приглашал приехать.

- Спасибо, дядя Мирон. Может быть, я у вас появлюсь.

Уже много лет подряд Рахманин с одним приятелем дружили с Александрой Серафимовной. Они приезжали в Торжок на машине раза два в год, привозили консервы, гречку, стиральный порошок, всякие там ведра-обои, все, что просила их тетя Серафимовна. А она взамен собирала для них у старух по улице старые вещи: фотоальбомы, пластинки, старые шкатулки. Конечно, за плату. Постепенно у рахманинского товарища, тоже Виктора, собралась целая коллекция.

Рахманин решил ехать. Надо было удрать из этой сужающейся Москвы с ее черными трамваями и "прокисающим молоком". Он позвонил автоприятелю, но тот был неготов к скорому старту.

Тогда Рахманин, предупредив Матвеевко, выехал один.

В Торжок он приехал рано утром, весь жеваный и мятый. Рахманин не стал ждать автобуса и пошел пешком через весь город в старую купеческую его часть.

Начиналась осень, и в воздухе висела влага. Молчаливые, плохо одетые люди проходили мимо него торопливыми шагами. На каждой остановке стояла маленькая толпа.

Как ни странно, в Москве люди больше любят ходить пешком.

Для москвича пробежать пару-тройку остановок не труд, а удовольствие. В маленьких городах, наоборот, человек полчаса упорно будет стоять на остановке, чтобы потом в крайне упакованном виде ехать две с половиной минуты до какого-нибудь Шестого микрорайона или Газового комбината волокнистой пленки.

Потянулись навстречу старые купеческие дома.

Один высокий дом в конце улицы был огорожен новым забором из старых досок. И как-то странно он колебался в воздухе.

Подойдя ближе, Рахманин заметил, что дома уже нет. Он в развалинах, а колеблется слабый призрак этого дома, тень его.

- Ничего себе новости!

Он остановил прохожего, который в отличие от других не бежал с большой скоростью, а вел куда-то собаку:

- Скажите, что с этим домом?

- С этим домом? А ничего... взорвали, дураки. Кино будут строить.

- Почему же дураки? Кино ведь хорошо.

- Потому дураки, что через два квартала уже есть кино. А дому-то еще стоять бы и стоять.

- А что это над домом такое? - спросил Виктор.

Прохожий с удивлением посмотрел на него.

- Кошнется, - объяснил Рахманин.

- Сам ты кошнешься, - буркнул про себя прохожий и перешел на другую сторону улицы со своей собакой.

"Что-то со мной неладно", - подумал Рахманин.

Дядя Мирон, оказывается, давно не спал. Он обрадовался Рахманину, поставил чайник, достал три сорта варенья, хлеб, масло.

- Александра Серафимовна тебя не дождалась. Она много чего насобирала у старушек. Вот смотри, тебе отложено.

- Дядя Мирон, - сказал Рахманин, - я же ведь ничего не привез, что вы заказывали.

- А нам ничего и не нужно, - сказал дядя Мирон. - У нас все есть. Ты приехал, уже и хорошо.

Виктор с удовольствием стал рассматривать "улов". В этот раз Александра Серафимовна постаралась. Целый угол был завален старинными вещами. Одна вещь была лучше другой. Чего стоил один роскошный кожаный альбом с желто-коричневыми фотографиями. Вся история купеческой семьи была изложена в нем, как в учебнике.

Крепкий, жесткий старик с булавочными глазами в тройке и пожилая властная женщина с поджатыми губами в платье до земли - основатели династии. И фамилия, и имена у них были очень купеческие - Марья Васильевна и Петр Тимофеевич Расторгуевы.

Потом шли их взрослые дети, опирающиеся на тумбочки разных конфигураций. Потом уже их дети со своими женами и детьми, уже снятые на улице. А потом уже их дети в гимназических фуражках или в дорогих тройках с некоторой интеллигентностью и высокомерием на лицах.

Очень понравилась Рахманину шкатулка из толстого граненого стекла, обрамленного металлом. Ее почистить - цены ей нет.

Были еще две лампы синего цвета очень тонкой работы, в безумной грязи и сале.

Но больше всего поразил Рахманина какой-то старинный то ли знак, то ли вензель, то ли орден очень и очень аккуратной работы. Никогда раньше он не видел ничего похожего. Это изделие напоминало или старинный герб иностранного дворянского рода, или герб страховой компании, или товарный знак компании, торгующей научными приборами. Потому что основу его составляла лента Мебиуса.

Эта вещь так понравилась Рахманину, что он решил, что все остальное: и альбом, и шкатулку, и лампы – отдаст автодругу, только бы знак остался у него. В знаке совершенно четко проступал какой-то смысл, были заложены определенные пропорции и связи.

– Что это, дядя Мирон? – спросил Рахманин.

– Должно, знак какой-то. Тетя Саша его принесла от одной бабушки. Как раз прежде, чем помереть.

– А что за бабушка? Откуда? Как фамилия?

– Я и не помню уже. Ее дом позади школы. Который с заколоченными окнами.

– Окна сейчас заколотили, потому что бабушка умерла?

– Нет, они всегда заколочены были. А бабка вроде и не умирала вовсе.

– А чего же она такую красивую вещь отдала?

– Может, и не отдала, может, тетя Саша сменяла ее на что полезное. Потом в нашем возрасте вещи уже и не очень нужны. Чай, к примеру, полезнее. А чая лекарственного в городе нет.

Он помолчал. Потом продолжил, как всегда, медленно:

– Об этой бабке странное говорят. Будто она видит то, что не положено.

Рахманин вспомнил призрак дома над домом в утреннем свете и подумал: "Совсем как я".

Он вцепился в дядю Мирона:

– Чего же она такое видит, дядя Мирон?

– Не знаю, что. Люди говорят...

– Но ведь люди про что-то говорят. – Может, она клады под землей видит. Может, в голове у нее телевизор на восемь программ.

– Это у тебя в голове телевизор на восемь программ, – рассердился дядя Мирон. – А в нашем возрасте все по-другому. Если человек что-то видит, что не положено, значит, у него ВИДЕНИЯ!

Этот ответ дяди Мирона ничего не прояснил, но, с другой стороны, как бы дискуссию закончил. Спрашивать дальше было уже, пожалуй, и нетактично.

Рахманин решил попытать дядю Мирона на предмет Красной Руки.

– Дядя Мирон, а вот не случилось у вас в городе чего-нибудь жутко необычного?

– Чего же такого необычного?

– Красная Рука к вам, например, не прилетала или Гроб на

Колесиках не приезжал?

- Не слышал ничего,- оторопел дядя Мирон.

- А Белые Перчатки не появлялись?

- Какие такие Белые Перчатки?

- Они по ночам прилетают и играют на пианино.

- Зачем?

- А бог его знает, зачем. Прилетят, например, в клуб деревообделочной фабрики ночью и играют там до утра Баха или Шуберта... Или Бетховена там.

- Не слышал я про эти Перчатки,- сказал дядя Мирон.- А вот про Обезьяну из Пианино слышал.

- Расскажи, дядя Мирон.

Пока дядя Мирон собирал мысли для рассказа, Рахманин задумался: "А действительно, что же на самом деле играют эти Перчатки? Не могут же они исполнять "Кирпичики" или "Ах, Одесса, жемчужина у моря...". При случае надо обязательно позвонить в Покровск".

Тем временем дядя Мирон начал:

- Это бывалошная история... Одни люди из купцов хотели купить пианино. И старый мастер сказал им: "Любой инструмент покупайте, только не покупайте с красным пятном". Пошли они в магазин... А там каких только пианинов нет: и черные, и белые, и красные... Только все дорогие. А одно пианино стоит черное с красным пятном и совсем недорогое...

- Где же это вы в Торжке такой магазин видели,- спросил Рахманин, чтобы в нем любые пианино были?

- Я же тебе сказал, мил-человек, что история эта бывалошная,- ответил дядя Мирон.- А в бывалошное время в Торжке все было. Были даже такие пианины, что сами по себе играли, без людей. Электрические.

- Извини, дядя Мирон. И что дальше было?

- Дальше принесли они это пианино домой, поставили в угол и стали красное пятно тереть. Трут они его, трут... а оно все краснее и краснее становится. И вот вдруг крышка открывается, выходит из-за пианино обезьяна, задницу себе лапами закрывает и говорит: "Всю задницу мне натерли!"

Рахманин неуверенно рассмеялся, чтобы не огорчить дядю Мирона. А тот вдохновился и предложил еще один рассказ.

- Ты про Винт в Полу когда-нибудь слышал?

- Нет,- ответил Рахманин.- Расскажите, пожалуйста.

- Ладно, слушай. Одна старая женщина, когда помирала, сказала своей дочери: "Ты что хочешь делай, только Винт в Полу не трогай. А то будет большая беда". И умерла. А дочка все время об тот Винт спотыкалась. Однажды она взяла газовый ключ и гайку отвинтила. Как раз была полночь.

Только часы пробили... И вдруг... Ты слушаешь?

Рахманин уперся взглядом в окно и замер. За окном, поглядывая в разные стороны, пролетел большой желтый Стекланный Глаз размером с крупную тыкву.

Рахманин стряхнул с себя видение:

- Да, конечно. И что?

- И вдруг в дверь к дочери постучали. Она в гляделочку посмотрела и видит: за дверью стоит женщина с нижнего этажа, вся в крови... И в руках люстру держит.

Рахманин подошел к окну и увидел, как этот Глаз-тыква улетал вдаль над улицей, над прохожими, над редкими машинами, покачиваясь и посматривая по сторонам. И как он скрылся в дымке над рекой, над мостом. И никто не обратил на него ни малейшего внимания.

- Ну и как история?- спросил дядя Мирон.- Веселая?

- Куда уж там,- ответил Рахманин.- Смех, да и только.

Потом он сказал:

- Дядя Мирон, я по городу пройдуся. Билет куплю на Москву. Может, чего принести к обеду надо?

- Чего там, к обеду. Суп у меня есть из колбасы. Ничего не надо. Хлеба купишь, и ладно.

- А пол-литра, дядя Мирон?

- Если деньги есть, отчего не купить. Купи, Виктор Николаевич.

Старым стал дядя Мирон, а выпивку уважал по-прежнему.

Рахманин зашел в маленькую ванную и стал с мылом отмывать загадочный знак старой зубной щеткой. Знак с каждой минутой проявлялся, как хорошая цветная фотография. Он оказался многоэмалевым, тонкой, почти невозможной работы. На нем были написаны какие-то формулы и отлиты что-то означающие фигуры, как на средневековых гербах. Рука с мечом, перерубающая цепь, змея с красными глазами, цветные цветы и многое другое. Вещь была очень красивая, просто музейная.

Виктор сунул знак во внутренний карман и вышел на улицу.

И обалдел!

Прямо над улицей по воздуху плыла Пятиметровая Кобра. Она извивалась, смотрела в разные стороны и беззвучно планировала примерно в пяти метрах над мостовой. И никто не обращал на нее ни малейшего внимания.

- Я, наверное, рехнулся! - решил Рахманин.- Галлюцинации плавают.

Все вокруг было как обычно. Влажный осенний день. Скачут школьные малыши, возвращающиеся после занятий. Идет лошадь с телегой, полной пустых ящиков. Грохочут редкие машины.

Рахманин подошел к дому-призраку. Интересно, стоит ли он на месте или тоже улетел в даль улицы.

Дом стоял на месте. Более того, если утром он был колышущийся, сомнительный, то сейчас стоял яркий, цветной, как нарисованный на целлофане. Очень он напоминал фазу мультипликационного фильма. Не хватало только раскрашенных, залитых жильцов.

На какое-то время Рахманин почувствовал себя то ли рентгенологом, то ли рентгеновским аппаратом. Он осмотрел наличники, крышу, балкон с чугунной решеткой. И вдруг заметил на стене второго этажа темный квадрат: то ли маленький сейф, вделанный в стену, то ли жестяную коробку от конфет.

- Да это же клад.

Он понял: если эта часть стены рухнула после взрыва и еще не вывезена, клад можно отыскать. Но он понял и другое: если этот дар – видеть сквозь стены – у него всерьез и надолго, это есть еще более ценный клад. Правда, он не знал еще, нужна ли ему эта вновь обретенная способность. Как не знал бы сельский житель средней полосы СССР, нужна ли ему способность понимать теорию Эйнштейна.

Следующим зданием на улице была почта. В ней – междугородка. В между городке написаны коды всех мелких городов соседних областей. В том числе код города Покровска.

Но сначала Рахманин позвонил Матвеевко.

– Как дела, Анатолий Петрович? Все живы?

– Все. Никто не скисал, ничто не скисало. А как у тебя дела?

– Я тоже пока еще не скис. Но на грани.

– Смотри не скисай там, – попросил Матвеевко. – А то практику не зачту.

– Бог зачтет, Анатолий Петрович. Посмотрите, нет ли там в моих отчетах телефона комиссионки Покровска.

– Как нет, есть, конечно. Сейчас я тебе его скажу. А зачем тебе?

– Хочу одну деталь уточнить.

– Давай, студент, уточняй и возвращайся. Без тебя здесь скучно стало. Никаких новостей.

– Зато здесь у меня никакой скуки, – ответил Рахманин. – Одни новости.

Рахманин сразу позвонил в Покровск:

– Здравствуйте, Светлана Ильинична. Не пугайтесь, это из милиции. Я Рахманин, я у вас был.

– Ничего себе не пугайтесь, – сказала директриса. – Я милиции-то больше всего и боюсь.

– Больше всего? Больше пианино фирмы "Блютнер" с Белыми Перчатками?

– Нет, этих Перчаток я все-таки больше опасюсь.

– Ага, вспомнили. Так вот, скажите мне, что эти Перчатки по ночам играли? Какую музыку?

– Я говорила вам: какую-то черную.

– Что значит черную? – переспросил Рахманин.

– Бог его знает. Только уборщица сказала, что черные лучи шли во все стороны. А потом эти Перчатки выскочили и отлупили ее как следует.

– Как отлупили, как в боксе?

– Нет. Они просто столкнули ее с лестницы. Она так и упала вниз до утра.

– Спасибо, Светлана Ильинична. А Красная Рука у вас больше не появлялась?

– Слава богу, не было.

– До свидания.

– Всего хорошего.

Какие-то странные мысли зашевелились в мозгу у Рахманина. Ему показалось, он понял, что эти фантомы-призраки-стуктики

инородной материи не очень охотно контактируют с людьми. И вовсе не хотят их доставать.

Вроде бы ему ясно сказали, что эти Перчатки избиили уборщицу. Ее даже с лестницы сбросили до утра. А он вдруг делает вывод, совершенно противоположный.

"Я почти твердо уверен в этом, - думал Рахманин. - Но почему?"

У Рахманина была одна черта, именно она привела его в юристы. Иногда он заранее твердо знал, как будут развиваться события. Он не мог объяснить, почему он это знает, но почти всегда оказывался прав.

Сейчас он попробовал понять, откуда взялось его решение, что эти монстры не хотят, а может быть, просто не могут обижать людей. Он представил себе картину: ночь, пустое здание, странные Белые Перчатки играют на пианино. Белые - значит, любят чистоту. Играют не на бильярде, не в домино, не в карты, а на пианино. Чтобы играть на пианино, даже черными лучами, учиться надо.

Играют эти интеллигентные Перчатки, а тут сторожиха тетя Поля или там тетя Клуша подходит и, скрипя всеми досками старого дома, в замочную скважину подглядывает. Неизвестно еще, что эта тетя выкинет, а вдруг милицию позовет с пистолетами.

Другие Перчатки могли тетю Полю запросто придушить, бутылкой по голове стукнуть и слинять. А эти всего-навсего ее с лестницы спустили. И еще эта тетя Параскева и дальше по ночам работала. Правда, без пол-литры не соглашалась. Но с пол-литрой-то запросто. Не иначе как она с этими Перчатками помирилась, а то и подружилась вовсе. Сидела себе и балдела, музыку слушала. Торчала то есть. Вот бы с Параскевой поговорить.

Но дальше события развивались так, что стало не до Параскевы. Как только Рахманин вышел на улицу, он едва не врезался в Черную Простыню, спокойно двигавшуюся по тротуару, как пиратский парус.

Слава богу, что у него была профессиональная реакция. Он не остановился, не отпрыгнул в сторону, а, наоборот, попер на Простыню, как извозчик на буфет, будто он ее не видел.

Ни в коем случае нельзя было подавать вида, что он ее видит. Тогда бы она поняла, что замечена им, и неизвестно, что бы она после этого предприняла.

Простыня проскользнула мимо его лица, как молочная пенка при наливании молока в чашку, как тень от ветки дерева, не оставив ни малейшего ощущения прикосновения, и пофланировала дальше по улице.

Рахманин пошел за ней. Она двигалась в том же направлении, что Глаз и Кобра. Двигалась не спеша, обходя, обтекая прохожих, иногда на сотую долю секунды задерживаясь у больших витринных стекол.

Странно, она была черная, но солнечные лучи проходили сквозь нее свободно, тени она не отбрасывала.

Дальше Простыня резко повернула в глуховатый переулок налево, и, если бы Рахманин последовал за ней, сразу бы стало ясно, что он за ней следит.

Поэтому Рахманин прошел перекресток, чтобы купить сигарет и жвачки в газетном киоске.

Потом он долго курил в глуховатом переулке, сидя на поваленном дереве, и ждал. Он был уверен, что кто-либо из этой цветной организации опять проследует в ту же сторону.

И точно, по переулку шла девушка... Нет, Стеклянная Кукла в человеческий рост. Не шла, а парила над асфальтом, словно ее несло воздушным течением. Проплывая мимо Рахманина, она все время поворачивалась к нему лицом. И в конце концов вышло так, что дальше она уже плыла спиной вперед. Но Рахманин даже четвертью глаза не повел в ее сторону. Мало ли, кого только не заносит порой в наши русские музейные города.

Пройдя следом за Куклой метров пятьсот по переулку, Рахманин снова остановился покурить. Дальше его повели огромные Зеленые Пальцы, летевшие вместе, как спаянные, но не связанные большой зеленой ладонью.

Они вплотную подвели Рахманина к красному фабричному зданию дореволюционной постройки. Скорее всего это был гвоздевой или замковый завод или молотковая фабрика. Он весь был обнесен старым кривоногим забором со старой кривоногой колкучей проволокой.

Пальцы залетели за спину здания и скрылись где-то в высоких пыльных кустах в середине того же кривоногого забора.

Забор был обложен глухой крапивой и репьем. В одном месте через крапиву шла твердая, вся перекрученная тропинка. Рахманин пошел по ней и сразу оказался у роскошной полутораметровой дыры в заборе.

Дальше он увидел глухую огромную стену с одной-единственной полузаваленной дверью. Наверное, это был вход в котельную. Тяжелая железная дверь была прикрыта до половины кустами пустырника.

Рахманин не собирался туда заглядывать. Но вдруг услышал шум позади себя на тропе. Шла группа людей.

"А если это не молотковый завод, а секретный почтовый ящик? – подумал Рахманин. – А если здесь производят не кувалды, а штыки для армии? Меня же арестуют к чертовой матери и сдадут в милицию".

Он шагнул к двери в подвал и, почти прижавшись к стене, стал опускаться по лестнице вниз. Получилось так, что последней в подвале оказалась его голова.

Когда он чуть-чуть привык к подвальному полумраку, его охватил ужас. Подвал напоминал слегка подсвеченный аквариум, в котором плавали... УЖАС... КАРАУЛ... И надо было бы бежать оттуда... к чертовой матери, без оглядки... А Рахманин почему-то сделал наоборот. Он деловито пошел вдоль трубы по стене, осматривая и шатая заржавленные вентили.

А все фигуры в подвале, наоборот, вдруг замерли. И Стеклянная Кукла, и Девушка с Красным Пятном, и Большая

Обезьяна с Бритвой, и Черная Простыня, и Желтый Глаз, и Пятиметровая Кобра, и многие, многие другие.

Дойдя до старого угольного котла, который не работал уже больше тысячи лет, Рахманин деловито бросил туда несколько лопат угля и пошел к выходу. На всякий случай взяв лопату с собой. У самого выхода он случайно ткнулся головой в какого-то не успевшего обскользнуть его монстра и почувствовал упругое и твердое сопротивление.

Монстр, очевидно, задержался на пути Виктора не случайно, не случайно затвердел на тысячную долю секунды, он что-то хотел то ли узнать, то ли показать Рахманину. И Рахманин понял, что есть очень большая сила в этом бредовом сгустке материи.

Но сделал вид, что ничего не понял. Он брезгливо замахал руками, как человек, в лесу случайно налетевший на большое полотно паутины, что-то пробурчал сердитое типа:

- Запустили помещение! Вас бы самих сюда, черти! - И, снова присев и упершись носом в дверь, выскользнул из подвала. На свет божий.

Путь за колючую проволоку был открыт. И Рахманин с облегчением пулей вылетел с территории фабрики, как сельский мужик, случайно забежавший в дамский туалет на вокзале.

С волосами, стоявшими дыбом, шагнул он на улицу дяди Мирона, а над ним в двадцати метрах над землей, чуть-чуть сзади летела Черная Простыня.

Она была над ним, пока он стоял в винном отделе, пока покупал хлеб, пока ехал в автобусе на вокзал за билетом. И никто во всем городе, кроме Рахманина, ее не видел. А он делал буквально все, чтобы ее совсем не замечать.

Рахманин понял, что он на крючке. Что он "под колпаком", а вернее, "под простыней" у всей этой относительно честной компании, и что вечером надо ждать гостей.

И опять что-то подсказывало Рахманину, что это не смертельно опасно.

Рахманин все время прокручивал в голове картину, которую сфотографировала его подкорка в подвале. Что это было? Бал привидений? Сговор чудовищ? Музей призраков или его собственный бред?

А может быть, это был коллективный поход в театр? Или исполнялся какой-то особый концерт для Белых Перчаток с оркестром? В самом конце зала он заметил что-то похожее на сцену в сельском клубе, какой-то помост. И на нем, кажется, извивалась и текла лента Мебиуса.

И, кажется, с нее стекала в зал какая-то информация. В ленте определенно была какая-то масса. Весь зал замер мгновенно с появлением Рахманина, а лента еще две или три секунды двигалась, меняя цвет.

"Интересно, - думал Рахманин, - почему я стал их замечать? И, самое странное, почему я почти перестал их бояться?"

И тут он вздрогнул. Прямо перед ним на первом сиденье автобуса сидел зеленый контур человека. Когда у людей от

резкой перемены позы идут круги перед глазами, иногда они бывают такого непрозрачно-зеленого цвета.

У человека, за которым следят агенты ЦРУ, или КГБ, или другой государственной разведки, порой возникает желание подойти к агенту и сказать:

"Здравствуй, я - Петров. Давайте познакомимся".

Рахманину тоже захотелось подойти к контуру и сказать что-либо подобное:

- Здравствуй. Ну, как дела, все зеленеет?

Но никто к агентам ЦРУ почему-то не подходит и ни о чем их никогда не спрашивает. Не стал этого делать и Рахманин. А на остановке он молча прошел через Зеленого Человека, как проходят люди через луч света в темном царстве или в автоматах метро.

## ЛИЧНОЕ ЗНАКОМСТВО

- Дядя Мирон,- спросил Рахманин у хозяина за обедом,- у тебя нервы крепкие?

- Нет,- ответил дядя Мирон.- У меня нервы никуда.

- А с виду ты такой спокойный.

- Это с виду. Я, как чего нервное вспомню, целую ночь потом не сплю.

В печке гудел огонь, начинались сумерки. Рахманин и дядя Мирон неспешливо ели за обеденным столом в комнате...

И вот началось.

Вдруг Рахманин увидел в окне большой Зеленый Череп размером с двухпудовую картофелину. Череп подлетел вплотную к стеклу, заглянул глазницами в комнату, покачал головой и резко взмыл в высоту. Рахманин понял - сейчас!..

- Дядя Мирон, выпей еще стопку.

- А ты чего же не пьешь?

- Я же непьющий.

- Хорошо это,- согласился дядя Мирон.- Сколько я через нее бед в жизни получил и несправедливостей... А уж денег потратил! Вот сейчас не надо бы пить - утром плохо будет. Так ведь тянет. Выпить-то хочца.

Дядя Мирон выпил.

За окном появилась Черная Рука. В этот раз она не просто летала в горизонтальном положении, она пыталась пальцами открыть форточку. У нее это не получилось. Она улетела вверх.

Несмотря на самоуспокоения, Рахманину становилось жутковато. Он втянул голову в плечи.

- Что-то холодно, дядя Мирон.- Он намотал на шею шарф.

- Чего там холодно, жарко!

...Прошла минута... Еще одна...

Дверца печки отворилась, и из нее в комнату влетела уже не Черная - Красная Рука. Она была раскаленной.

Теперь ее заметил и дядя Мирон.

- Э-э-э! - Он захлебнулся словами. Он показал Рахманину

жестом то, что Виктор давно уже видел. Как ни странно, Рахманин подумал про себя в эту секунду: "Хорошо, что у меня шарф не синтетика".

Рука медленно, светясь, стала облетать комнату. Казалось, что она чего-то ищет. Она все ближе подлетала к Рахманину, и в этот раз он не мог делать вид, что ее не замечает. Мало того, что она светилась сама, она еще освещала своим светом комнату.

Рахманин сидел и в ужасе понимал, что приходит конец. Он уже решил нагнуться и схватить кочергу для самообороны. Хотя было абсолютно ясно: его битва обречена на поражение.

И тут он заметил, что рука, пролетая над столом, даже ни капельки не обуглила лежащую на нем газету.

"Да она не такая уж раскаленная!"

Когда рука приблизилась к его лицу, Рахманин закрыл глаза и замер.

Он почувствовал шевеление воздуха у лица, сквозь закрытые веки увидел свет, но ожидаемого жара не было, как не было и прикосновения пальцев к шее.

Рахманин слышал, как прохрипел что-то дядя Мирон, и стукнула дверца печки. Потом все стихло. Он открыл глаза. В комнате все было по-прежнему. Никаких следов пожара или огня. Со стула почти до пола свисал дядя Мирон. Он был без сознания.

Рахманин кинулся к нему, стал приводить его в чувство. Дядя Мирон стонал и долго не мог ничего осознать. На горле у него были видны явные следы ожогов.

Рахманин вызвал "неотложку" по телефону. А сам решил уходить. Не хватало ему только давать объяснения врачам о Красной Руке и о Черепе за окном.

- Дядя Мирон, как ты себя чувствуешь?

- Ничего. Жив пока.

- Горло не болит?

- Вроде нет. Как бы отпустило.

Руки у него тряслись, по щекам текли слезы.

- Дядя Мирон, есть у тебя родственники в городе?

- Есть. Племянник Володя с женой.

- Могут они за тобой поухаживать?

- Могут, чего с ними сделается. Особенно Володя. Он меня любит шибко. И гостить у меня любит. Они с женой неладно живут.

Телефон у племянника был только рабочий, но жил он недалеко. Рахманин решил к нему зайти по дороге на вокзал.

- До свиданья, дядя Мирон. Не рассказывай особо о том, что мы с тобой здесь видели.

- А чего мы здесь видели? - сказал старик.- Ничего и не видели.- Но одной рукой он все-таки прикрывал горло, а другой пытался закрыть дверцу печки на задвижку.

- Спасибо тебе за все. Если что будет не так, звони. Мы к тебе с Виктором сразу на машине приедем. Жалко, что Александры Серафимовны уже нет.

- Жалко,- согласился дядя Мирон.- Она тебя шибко любила. Все говорила: "Что-то москвич долго не едет".

Виктор взял свой чемоданчик-портфель, взял из кучи перед печкой старый журнал "Человек и закон" и вышел.

В небе за ним никто не следовал.

До отхода поезда было два часа. Город погружался в темноту.

Виктор быстро нашел дом племянника. Передал Володе, что дядя Мирон заболел, и пошел на почту.

Он упаковал журнал "Человек и закон" в плотную бумагу, вложил туда герб-знак-символ и отправил в Москву, на свою фамилию до востребования.

Он хотел узнать секрет своего монстровидения. Если это герб притягивает к нему чудовищ, пусть он останется до лучших времен на Московском почтамте. А если дело не в нем, Рахманин всегда сможет его получить и будет держать дома как ценную реликвию.

История заканчивалась. По крайней мере заканчивался первый раунд.

Последний подарок преподнес Рахманину железнодорожник, с которым они ехали в первом вагоне. Они долго беседовали о газетах, о событиях. И Рахманин, как всегда, свел разговор к невероятным историям- рассказал о Красном Пятне в Покровске.

Тогда железнодорожник под секретом поведал Рахманину свою историю.

- Мы однажды ехали по Ярославской ветке. Все как положено. Вдруг напарник показывает мне, на лобовом стекле какая-то пленка появилась. Будто капля нефти попала и все растекается. Она все больше и больше проявлялась, и разные цвета проступали.

- Как в цветном телевизоре.

- Похоже. Стали черные цвета выступать и другие. В общем, получился такой плакат - лицо женщины и руки вперед. Мол, стойте! Женщина просто молит. Мы с напарником стали тормозить. Сильнее и сильнее.

- И что же получилось?

- Получилось, что мы правильно сделали. Смотрим, дети по путям идут. Мы загудели что было сил. Они испугались и с рельсов спрыгнули. Перед самыми колесами. Мы снова ход набрали, смотрим, а женщины на стекле нет.

## АНТРАКТ ЛЕТ НА ВОСЕМЬ

Матвееenko сам приехал к Рахманину.

- Давай рассказывай.

Рахманин рассказал ему все, начиная с дома-призрака в Торжке и кончая женщиной на стекле и Зеленым Человеком в автобусе.

- Я понял: никого они не убивали. Их жертвы умирали сами от страха.

- Я тоже так решил, - сказал Матвееenko. - И очень за тебя боялся. Только на то и надеялся, что ты не из пугливых. Редко я встречал таких выдержанных людей.

- Я и был на грани. Нервы обострились до безумия.

- Но почему Рука дядю Мирона обожгла?

- Не обжигала она его,- возразил Рахманин.- Тут дело вот в чем. Я когда-то читал, что у многих людей невероятная сила воображения. В средние века пытали одного человека. Он был привязан к столу. Палач показал ему раскаленный железный прут, а к ноге приложил другой, совершенно холодный. Так вот от прикосновения вздулся волдырь, как при ожоге.

- Я читал об этом,- сказал Матвееenko.

- Так и дядя Мирон. Он был уверен, что Рука раскалена. И что пальцы раскалены. Вот и проступили у него пальцы ожогом. А у меня ничего нет. Он распахнул рубашку на груди.- А видеть эти сгустки материи я начал от невероятной взвинченности. Нервы были напряжены до предела... А может, этот герб имеет какую-то силу. А может, то и это. В общем, если захочешь, все замечать начнешь.

- Или с ума сойдешь,- добавил Матвееenko.

- Верно,- согласился Рахманин.- Так что я решил в этот мир больше пока не заглядывать. Может быть, лет через восемь - десять. А эту штуку,- он показал Матвееenko квитанцию на герб-символ,- я положу в сейф, пусть полежит пока.

- Приходи ко мне работать после вуза. А?- попросил капитан Анатолий Петрович.

- Может быть. Скорее всего,- ответил Рахманин.

Все. Надо было расставаться.

Когда они подошли к остановке трамвая, Матвееenko спросил, забираясь в вагон:

- Слушай, а Зеленый Человек, которого ты иногда видишь, он с тросточкой или нет?

К О Н Е Ц